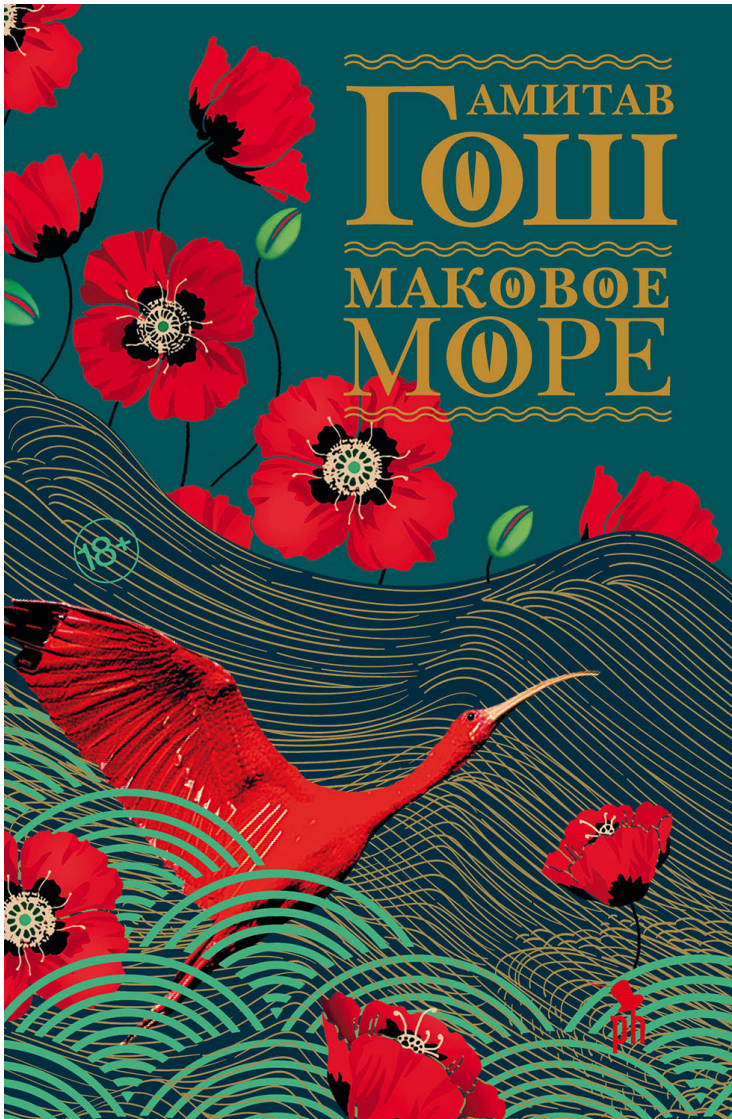

ГАМИТАВ
ГОШ
МАКОВОЕ
МОРЕ

18+

PH

Амитав Гош

Маковое море

Серия «Ибисовая трилогия», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66731338
Маковое море: Фантом Пресс; Москва; 2021
ISBN 978-5-86471-884-1

Аннотация

Первый том эпической саги-трилогии, в центре которой сплетение историй самых разных людей. Всех их судьба сведет на шхуне “Ибис”, на которой они отправятся в неведомую жизнь. Обанкротившийся и потерявший все, включая честь, индийский раджа; юная и беззаботная француженка-сирота; сбежавшая от обряда сожжения индийская вдова; матрос-американец, неожиданно для себя ставший помощником апитана; апологет новой религии... Всем им предстоит пройти через приключения, полные опасностей, испытаний и потрясений, прежде чем они решатся подняться на борт “Ибиса”. Позади останутся маковые плантации, опасные улицы Калькутты, богатство, власть, унижения, семьи. Всех их манит свобода от прежних уз, тягот и несчастий. В “Маковом море” парадоксальным образом сочетаются увлекательность “Одиссеи капитана Блада” Рафаэля Сабатини, мудрость и глубина “Рассечения Стоуна” Абрахама Вергезе и панорамность серьезных исторических романов.

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	39
3	72
4	92
5	118
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Амитав Гош

Маковое море

© Александр Сафронов, перевод, 2010, 2021

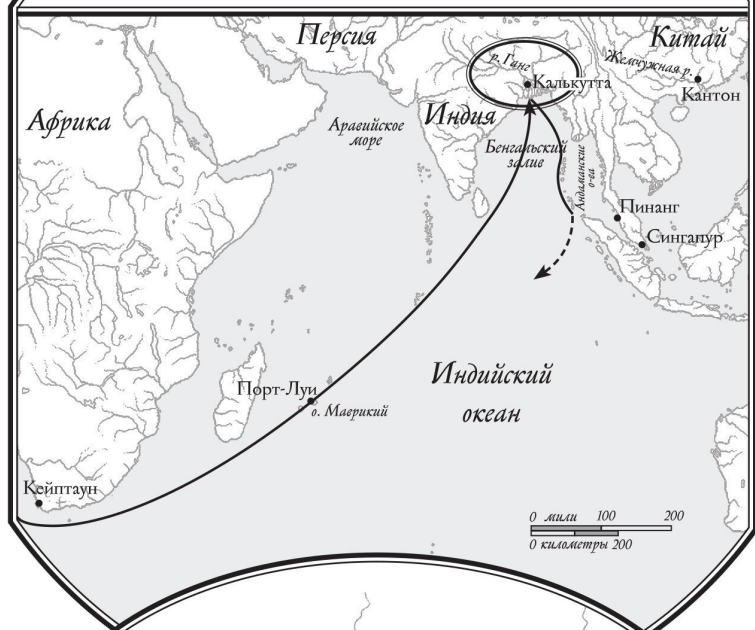
© Андрей Бондаренко, оформление, 2021

© “Фантом Пресс”, издание, 2021

* * *

Наяну, на его пятнадцатилетие

Маршрут путешествия "Ибиса"

Часть первая

Суша

1

Видение парусника возникло в самый обычный день, но Дити тотчас угадала в нем судьбоносный знак, ибо этакой махины не видала даже во сне – да и откуда, коли живешь в Северном Бихаре, что в четырех сотнях миль от морского побережья? Деревня ее притулилась в глубине субконтинента, и до океана, темной пропасти под названием Калапани, Черная Вода, в которой исчезает святой Ганг, было немислимо далеко, словно до преисподней.

В тот год маки удивительно долго не сбрасывали лепестки, хотя зима уже иссякала; от самого Бенареса речные берега были укутаны толстыми покрывалами из белых цветов, отчего казалось, будто долгие мили Ганг несет свои воды меж двух ледников. Точно снега Гималаев спустились на равнины, чтобы дожидаться прихода *Холи*¹ с его весенним разно-

¹ Холи – древний индийский праздник, который отмечается в мартовское полнолуние и знаменует приход весны, изгнание зла и возрождение жизни. Согласно легенде, в этот день сгинула злая ведьма Холика. – *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

цветьем.

Деревня ютилась на окраине Гхазипура, что милях в пятидесяти к востоку от Бенареса. Как и все крестьяне, Дити беспокоилась из-за припозднившихся маков; в тот день она встала рано и привычно захлопотала по хозяйству: приготовила мужу Хукам Сингху выстиранные *дхоти* и *камизу*², собрала узелок с обедом – лепешки *роти*³ и соленья. Потом на секунду заглянула в молельню; позже она искупается и переодеется и уж тогда совершит надлежащую *пуджу*⁴ с цветами и подношениями, а пока, все еще в ночном сари, на пороге лишь преклонила колени, молитвенно сложив руки.

Вскоре скрип колес возвестил о прибытии запряженной волами повозки, которая доставляла Хукам Сингха на гхазипурскую фабрику. Три мили не бог весть какая даль, однако и они непосильны для раненой ноги бывшего сипая британского полка. Впрочем, увечье костылей не требовало, и до повозки Хукам Сингх добирался сам. Дити шла следом, а затем вручала мужу обеденный узелок и флягу с водой.

Возчик, здоровяк Калуа, даже не пытался помочь седоку и лишь отворачивал лицо: Хукам Сингх из высшей касты раджпутов, ему негоже лицезреть физиономию представителя касты кожемяк, дабы не испоганить себе весь грядущий день. Умопившись на задке, сипай-ветеран сидел лицом к

² Дхоти – набедренная повязка до колен; камиза – верхняя длинная блуза.

³ Роти – круглые пресные лепешки из муки и воды.

⁴ Пуджа – молитва.

дороге, а узелок держал на коленях, чтобы не дай бог не коснуться кучерского барахла. Так они и ехали на скрипучей повозке до самого Гхазипура – вполне дружески беседовали, но друг на друга не смотрели.

При возчике Дити тоже осмотрительно прятала лицо и сбросила накидку, лишь вернувшись в дом, чтобы разбудить шестилетнюю дочку Кабутри. Свернувшись калачиком на циновке, девочка крепко спала, лицо ее то обиженно хмурилось, то освещалось улыбкой, и Дити удержала свою руку. В дочери она видела свои черты – те же пухлые губы, вздернутый нос и закругленный подбородок, с той лишь разницей, что все это свежее и четкое, тогда как ее собственный облик потускнел и расплылся. После семи лет замужества Дити и сама-то была еще ребенок, но в ее густых черных волосах уже проглядывали седины. Подпаленное солнцем, лицо ее потемнело, кожа шелушилась, в уголках рта и глаз появились морщины. Однако в заурядной, измученной заботами наружности Дити имелось нечто, выделявшее ее среди прочих, – светло-серые глаза, черта, необычная в здешних краях. Цвет, вернее, бесцветность ее глаз придавала ей вид слепой и одновременно всевидящей. Сей феномен пугал детвору, укрепляя суеверное предубеждение до такой степени, что порой Дити дразнили *дайной* и *чудалией*⁵, но стоило ей бросить взгляд, как ребятня прыскала врассыпную. Самой Дити слегка льстила собственная способность наводить страх,

⁵ Дайна – обезумевшая от горя; чудалия – ведьма.

но все же она была рада, что дочь не унаследовала именно эту черту, и восхищалась ее глазами, черными, как и блестящие волосы. Глядя на спящую девочку, Дити улыбнулась и решила ее не будить; через три-четыре года Кабутри отдадут замуж, она еще успеет наработаться в мужнем доме, так что пусть понежится последние годочки.

Наскоро сжевав лепешку, Дити вышла к утоптанной меже, отделявшей их глинобитное жилище от маковых полей. Она облегченно вздохнула, в лучах восходящего солнца увидев, что кое-где маки наконец-то осыпались. На соседнем поле деверь Чандан Сингх уже орудовал *нукхой*, ножом с восемью зубцами, – надрезал голые коробочки; если за ночь пойдет сок, следующим утром в поле выйдет вся семья. Нужно точно угадать срок, ибо растение отдает бесценную влагу очень недолго – протянешь день-другой, и от коробочек проку будет не больше, чем от сорняковых бутонов.

Чандан Сингх, тоже заметивший невестку, был из тех, кто не даст человеку пройти спокойно. Обладая выводком в пять душ, сей губошлеп не упускал случая укорить Дити малочисленностью ее потомства.

– *Ка бхайл?* – заорал он, слизывая с кончика лезвия каплю свежего сока. – Что такое? Опять одна работаешь? Сколько можно? Нужен сын, помощник! Ты же не яловка, в конце-то концов...

Дити уже привыкла не обращать внимания на подколки деверя; отвернувшись, она пошла к своему полю. Набирая

горсти нежных лепестков, устилавших междурядья, она ссыпала их в закрепленную на поясе широкую плетеную корзинку. Пару недель назад она бы осторожно пробиралась бочком, дабы не потревожить цветы, но сейчас шла резво, не заботясь о том, что развевающееся сари сбивает с созревших коробочек гроздь лепестков. Потом Дити вернулась к дому и опорожнила наполненную корзинку рядом с жаровней, на которой стряпала почти все блюда. Здесь пяточок утоптанной земли затеняли два громадных дерева манго с проклюнувшимися ростками, которые по весне превратятся в бутоны. В благословенной тени присев на корточках, Дити подбросила охапку хвороста на уголья, еще тлевшие со вчерашнего вечера.

В дверях показалась заспанная Кабутри.

– Что так поздно? – прикрикнула мать, утратив снисходительность. – Где тебя носит? *Кам-о-кадж на хой?* Неужто дел нет?

Велев дочери смести лепестки в кучу, Дити пошуровала в жаровне и поставила на огонь тяжелую сковородку. Потом высыпала в накалившуюся посудину горсть лепестков и придавила их тряпичным гнетом. Через пару минут спекшиеся лепестки выглядели совсем как лепешка роти. Кстати, их так и называли, хотя предназначение этих маковых роти было совсем иным, нежели пшеничных тезок: их продавали на гхазипурскую опийную фабрику, где они служили прокладками в глиняных горшках – упаковках опия.

Тем временем Кабутри, замесив чуток теста, сваяла пару настоящих роти. Дити быстренько их испекла и загасила огонь; пока лепешки отложили, чтобы позже съесть со вчерашним заветревшимся *алу-пост* – картошкой в пасте из макового семени. Сейчас мысли вновь обратились к молельне – приближался час полуденной пуджи, пора было искупаться. Умастив оливковым маслом свои и дочкины волосы, Дити накинула другое сари, взяла девочку за руку и через поле повела к реке.

Посадки мака заканчивались у песчаной отмели, плавно сбегавшей к Гангу, нагретый солнцем песок обжигал босые ноги. Внезапно бремя взрослой благопристойности соскользнуло с покатых плеч Дити, и она пустилась вдогонку за дочкой, ускакавшей вперед. У береговой кромки они выкрикнули заклинание Гангу – *Джай Ганга майя ки!* – и, набрав в грудь воздух, плюхнулись в воду.

Вынырнув, обе расхохотались: в это время года вода сначала кажется жутко холодной, а потом освежающе прохладной. Настоящий летний зной был впереди, но Ганг уже начал мелеть. Повернувшись лицом в сторону Бенареса, Дити приподняла дочку, и та вылила из пригоршни воду – дань святому городу. Вместе с водой из детских ладошек выпорхнул листок. Мать и дочь смотрели, как река уносит его к гхазипурским причалам.

Манго и хлебные деревья перекрывали здание опийной фабрики, однако над кронами просматривались полоскав-

шийся на ветру британский флаг и шпиль фабричной церкви для надсмотрщиков. У причала виднелась одномачтовая барка под английским флагом Ост-Индской компании. Она пришла из отдаленного филиала с грузом опиума, который сейчас разгружала длинная цепочка кули.

– Мама, куда плывет этот кораблик? – задрал голову, спросила Кабутри.

Именно ее вопрос вызвал видение: внезапно перед глазами Дити возник образ громадного корабля с двумя высокими мачтами, на которых надулись огромные ослепительно белые паруса. Нос парусника венчала резная фигура с длинным, как у аиста или цапли, клювом. На баке стоял какой-то человек, он был плохо различим, но Дити твердо знала, что прежде никогда его не видела.

Она понимала, что корабль этот не реальный, в отличие от барки, пришвартованной у причала. Дити никогда не видела моря, ни разу не покидала здешних мест, не знала других языков, кроме родного *бходжпури*⁶, но ни секунды не сомневалась, что парусник где-то существует и направляется к ней. Она испугалась, ибо никогда не видела ничего, даже отдаленно напоминающего это видение, и понятия не имела, что оно предвещает.

Кабутри почувствовала, что происходит нечто странное,

⁶ Бходжпури – индоиранский язык, распространенный в индийских штатах Бихар, Джаркханд; из-за близкого родства с хинди некоторые лингвисты рассматривают бходжпури как его диалект.

и, помешкав, спросила:

– Мама, куда ты смотришь? Что ты увидела?

От дурного предчувствия лицо Дити превратилось в маску страха, голос ее дрогнул.

– Доченька... я видела *джахадж*... корабль...

– Ты про вон тот говоришь?

– Нет, милая. Такого я никогда не видала. Он похож на огромную птицу с длинным клювом, его паруса точно крылья...

Глянув на реку, Кабутри попросила:

– Нарисуешь мне?

Дити кивнула, и они побрели к берегу. Быстро одевшись, мать с дочерью наполнили кувшин речной водой для молитвы. Дома Дити зажгла лампу и лишь тогда повела дочь в темную комнату с закоптелыми стенами, где крепко пахло пальмовым маслом и ладаном. На маленьком алтаре расположились изваяния Шивы и Бхагван Ганеш, обрамленные гравюры Ма Дурги и Шри Кришны. Комната была не только святилищем, но и усыпальницей, в которой хранилось множество семейных реликвий: деревянные сандалии покойного отца, мамины бусы из *рудракиши*⁷, смутные отпечатки дедушкиных ступней, сделанные на погребальном костре. Вокруг алтаря висели рисунки, собственноручно выполненные Ди-

⁷ Рудракша – вид вечнозеленых широколиственных деревьев семейства элюкарповых. Произрастают на Индо-Гангской равнине и в предгорьях Гималаев. Используются в народной медицине.

ти углем на тонких маковых лепестках, – например, портреты двух братьев и сестры, умерших в младенчестве. Немногочисленные живые родственники тоже были представлены, но лишь схематичными набросками на листьях манго – Дити считала дурной приметой излишне реалистично изображать тех, кто еще не покинул этот свет. Оттого портрет любимого старшего брата Кесри Сингха являл собой два штриха, означавших ружье сипая и закрученные кверху усы.

Дити взяла зеленый лист манго и, макнув палец в баночку с ярко-красным *синдуром*⁸, мазками изобразила два похожих на крылья треугольника, взметнувшихся над вытянутым, изогнутым силуэтом, который заканчивался кривым клювом. Рисунок напоминал летящую птицу, но Кабутри тотчас распознала двухмачтовый корабль с поднятыми парусами. Ее изумило, что мать представила судно как живое существо.

– Здесь хочешь повесить? – спросила она.

– Да.

– Зачем? – Девочка не понимала, с какой стати поселять корабль в их семейном святилище.

– Не знаю. – Дити сама озадачила четкость наития. – Просто чувствую – он должен быть здесь... и не только корабль, но и многие его обитатели... им тоже место на стене нашей

⁸ Синдур – свинцовый сурик, порошкообразная краска, которую в брачной церемонии жених наносит на пробор невесты. Красная полоска в проборе и точка на лбу означают статус замужней женщины.

молельни.

– А кто они такие?

– Не ведаю, – сказала Дити. – Но узнаю, когда их увижу.

* * *

Резная птичья голова под бушпритом “Ибиса” была весьма необычна и убедила бы маловеров, что именно этот корабль узрела Дити, стоя по пояс в водах Ганга. Даже бывалые мореходы признавали: рисунок невероятно точно передает суть предмета, особенно если учесть, что создан он человеком, который в глаза не видел двухмачтовой шхуны и вообще какого-либо глубоководного судна.

Со временем сонм тех, кто считал “Ибис” своим предтечей, пришел к мнению: видение было даровано Дити самой рекой – дескать, в тот миг, когда парусник соприкоснулся со святыми водами, его образ, точно электрический ток, перенесся вверх по реке. Стало быть, произошло это во вторую неделю марта 1838 года, поскольку именно тогда “Ибис” бросил якорь возле острова Ганга-Сагар, где священная река впадает в Бенгальский залив. Корабль ожидал лоцмана для прохода в Калькутту, и Захарий Рейд впервые увидел Индию, представшую чащей мангровых деревьев и заиленным берегом, который выглядел необитаемым, пока не исторг маленькую флотилию шлюпок и каноэ, желавших сбуть прибывшим мореплавателям фрукты, рыбу и овощи.

Невысокий крепыш, Захарий Рейд обладал кожей цвета старой слоновой кости и черной копной блестящих курчавых волос, которые, ниспадая на лоб, лезли в глаза, такие же темные, но с рыжеватыми крапинами. Когда он был маленьким, люди говорили, что пару таких сверкушек можно запросто сбить герцогине вместо алмазов (позже горящий взор весьма поспособствует тому, что Захарию найдется местечко в святилище Дити). Из-за смешливости и беспечной легкости иногда его принимали за юнца, но Захарий, не мешкая, исправлял ошибку: сын мэрилендской освобожденной рабыни, он весьма гордился тем, что знает свой точный возраст и дату рождения. Мне двадцать, не больше и не меньше, говорил он заблуждавшимся.

Каждый раз перед сном Захарий воздавал хвалу пяти благоприятным событиям, случившимся за день, – обычай был привит матерью как противовес его подчас излишне остроуму языку. После отплытия из Америки в ежедневном перечне восхвалений чаще всего фигурировал “Ибис”. И дело не в том, что корабль выглядел лощеным ухарем; совсем наоборот, старомодная шхуна – короткие шканцы, задранный полубак, центральная рубка, служившая камбузом, а также кубриком боцманов и стюардов, – ничуть не походила на стройные клиперы, какими славились верфи Балтимора. Благодаря несуразной палубе и широким бимсам ее частенько принимали за барк, переделанный в шхуну; Захарий не знал, так ли это, но сам считал корабль не чем иным, как

парусной шхуной. На его взгляд, “Ибис”, такелаж которого в яхтовой манере шел вдоль корпуса, был невероятно изящен. Неудивительно, что с поднятыми парусами, главным и носовым, корабль напоминал летящую белокрылую птицу; по сравнению с ним все другие суда с их нагромождением прямоугольной парусины выглядели увальнями.

Однако Захарий прекрасно знал, что “Ибис” строился как “обезьянник” для перевозки из Африки рабов. Оттого-то парусник и сменил хозяина: после отмены работорговли побережье Западной Африки патрулировали британские и американские фрегаты, а “Ибис” был недостаточно резв, чтобы уверенно от них оторваться. Шхуна разделила судьбу многих невольничьих судов, новый владелец удумал приспособить ее к иной торговле – экспорту опия. Теперь корабль принадлежал судоходной компании и торговому дому “Братья Бернэм” – фирме, имевшей большие интересы в Индии и Китае.

Не тратя времени, представители нового владельца затребовали парусник в Калькутту, где располагалась основная резиденция главы компании Бенджамина Брайтуэлла Бернэма; по прибытии шхуну ждала переделка, для чего и был нанят Захарий. Он восемь лет оттрубил на балтиморских верфях Гарднера и вполне годился для надзора за оснасткой старого невольничьего корабля, но в морском деле разбирался не больше любого сухопутного плотника и в океан вышел впервые. Однако парень горел желанием постичь моряцкое ремесло, когда ступил на борт, имея лишь холщовую котом-

ку со сменой белья и дудочкой – давнишним подарком отца. “Ибис” обеспечил его скорой, но безжалостной школой, ибо с самого начала вояжа вахтенный журнал стал перечнем напастей. Мистеру Бернэму так не терпелось заполучить свою новую шхуну, что она вышла из Балтимора с неукомплектованной командой, имея на борту девятнадцать человек, среди которых девять, включая Захария, значились как “черный”. Несмотря на неполный штат, провиант был скуден и дурен, что вело к стычкам между стюардами и матросами, начальниками и подчиненными. Потом грянули штормы и шхуна дала течь; именно Захарий обнаружил, что трюм, где раньше перевозился человеческий груз, изрешечен смотровыми и воздушными дырками, которые проделали поколения африканских невольников. Чтобы окупить расходы путешествия, “Ибис” вез груз хлопка, но теперь насквозь промокшие тюки отправили за борт.

После берегов Патагонии скверная погода заставила изменить курс, согласно которому “Ибис” должен был войти в Тихий океан и далее обогнуть мыс Ява. Теперь паруса развернули к мысу Доброй Надежды, но погода вновь не благоприятствовала, и на целые две недели шхуна угодила в полный штиль. Полуголодную команду, питавшуюся червивыми сухарями и тухлым мясом, сразила дизентерия; еще до того как задул ветер, трое умерли, а двух черных за отказ от кормежки заковали в кандалы. Из-за нехватки людей Захарию пришлось отложить плотницкий инструмент и стать за-

правским марсовым, чтобы, карабкаясь по вантам, убирать топсель.

Потом второй помощник, жуткая сволочь, которого ненавидели все чернокожие матросы, свалился за борт и утонул; все на корабле понимали – это не случайность, однако напряжение в команде достигло такого предела, что капитан, бостонский ирландец-острослов, дело замял. На распродаже вещей покойного Захарий был единственным матросом, сделавшим предложение о покупке, после которого вступил во владение секстантом и рундуком с одеждой.

Поскольку Захарий не принадлежал ни квартердеку, ни баку⁹, то вскоре стал связующим звеном между этими частями корабля и принял на себя обязанности второго помощника. Он уже не был салагой, как в начале пути, однако своей новой должности не соответствовал, и его слабые усилия не смогли улучшить моральный климат. В первую же ночь после захода шхуны в Кейптаун команда растворилась в городской сутолоке, пустив слух о плавучем аде с нищенским жалованьем. Репутация “Ибиса” так пострадала, что ни один американец или европеец, даже последний забулдыга и пьяница, не поддался на уговоры о службе, и только ласкары согласились ступить на палубу шхуны.

Вот так Захарий познакомился с этими моряками. Он по-

⁹ Квартердек – кормовая часть верхней палубы, где в надстройке помещались каюты капитана и офицеров; матросские кубрики располагались на баке, в носовой части корабля.

лагал ласкаров нацией или племенем вроде чероки и сиу, но оказалось, что все они из разных мест и роднит их лишь Индийский океан; среди них были китайцы, восточные африканцы, арабы, малайцы, индусы и бенгальцы, тамилы и араканцы. Они приходили группами по десять-пятнадцать человек, от имени которых говорил вожак. Разбить эти группы было невозможно – бери всех либо никого; стоили они дешево, но имели собственное представление о том, сколько и какими силами трудиться, – выходило, что на работу, с которой справился бы один нормальный матрос, надо брать трех-четырех ласкаров. Капитан обозвал их невиданной сворой черномазых лодырей, а Захарий счел до крайности нелепыми. Взять хотя бы одежду: их ноги никогда не знали обуви, а наряд многих состоял лишь из батистовой тряпки, обмотанной вокруг чресл. Некоторые щеголяли в подштанниках, затянутых шнурком, другие облачались в саронги, которые, точно нижние юбки, полоскались на костлявых ногах, отчего временами палуба напоминала гостиную борделя. Как может взобраться на мачту босой человек, запеленатый в тряпку, словно новорожденный младенец? Пусть ласкары были ловки, как обычные матросы, но когда они, точно обезьяны, карабкались по вантам, Захарий смущенно отводил глаза, дабы не увидеть того, что скрывалось под их развевающимися на ветру саронгами.

После долгих колебаний шкипер решил нанять ласкарскую бригаду под водительством некоего боцмана Али.

Устрашающей внешности этого персонажа позавидовал бы сам Чингисхан: скуластое вытянутое лицо, беспокойно шныряющие темные глазки. Две жиденькие прядки вислых усов обрамляли рот, который находился в беспрестанном движении; казалось, губы, вымазанные чем-то ярко-красным, бесконечно смакуют угощение из взрезанных жил кобылы – ну прям тебе кровожадный степной варвар. Заверение, что жвачка во рту боцмана растительного происхождения, не особо убедило – однажды Захарий видел, как тот харкнул через леер кроваво-красной слюной и вода за бортом тотчас вскипела от акулых плавников. Что же это за безобидная жвачка, если акулы перепутали ее с кровью?

Перспектива путешествия в Индию с такой командой настолько не вдохновляла, что первый помощник тоже исчез; торопясь покинуть корабль, он бросил целый мешок одежды. Узнав о его бегстве, шкипер пробурчал:

– Слиял? Ну и молодец. Я бы тоже сделал ноги, если б получил жалованье.

Следующим портом захода был остров Маврикий, где предстояло обменять груз – зерно на партию черного дерева и ценной древесины. Поскольку до отплытия никакого офицера найти не удалось, шкипер назначил Захария первым помощником. Вот так вышло, что благодаря дезертирам и покойникам неопытный новичок сделал головокружительную карьеру, за одно плавание скакнув из плотников в заместители капитана. Теперь он обитал в собственной каюте и со-

жалел лишь о том, что во время переезда с бака потерялась его любимая дудочка.

Сначала шкипер приказал Захарию питаться отдельно: “За своим столом я не потерплю никакого разноцветья, даже легкой желтизны”. Но потом ему наскучило одиночество и он настоял, чтобы помощник обедал в его капитанской каюте, где их обслуживал целый выводок ласкаров-юнг – резвая компания шкетов.

В плавании Захарию пришлось пройти еще одну школу, уже не столько морскую, сколько общения с новой командой. На смену незатейливым карточным играм пришла *пачиси*¹⁰, залихватские матросские песни уступили место новым, резким и неблагозвучным мелодиям, и даже запах на корабле, пропитавшемся специями, стал иным. Поскольку Захарий отвечал за корабельные припасы, ему пришлось познакомиться с иным провиантом, ничуть не похожим на привычные сухари и солонину; “пищу” он стал называть *рисомом* и выговаривал слова вроде *дал, масала, ачар*¹¹. Теперь он говорил *малум* вместо “помощник”, *серанг* вместо “боцман”, *тиндал* вместо “старшина” и *сиканни* вместо “рулевой”. Он выучил новый корабельный лексикон, который вроде бы походил на английский, но не вполне: “такелаж” зву-

¹⁰ Пачиси – старинная индийская игра, появившаяся в V веке. Ее вариант известен под названием “лудо”.

¹¹ Дал – бобы; масала – специя, смесь чеснока, имбиря и лука; ачар – маринад (хинди).

чал как “тикиляш”, “стоп!” – “хоп!”, а утренний клич вахтенного “полный ажур” превратился в “абажур”. Нынче палуба называлась *тутук*, мачта – *дол*, приказ – *хукум*; левый и правый борт Захарий именовал соответственно *джамна* и *дава*, а нос и корму – *агил* и *пичил*.

Неизменным осталось только разделение команды на две вахты, каждую из которых возглавлял тиндал. Большая часть корабельных хлопот ложилась на их плечи, и первые два дня серанга Али было почти не видно. Когда же на рассвете третьего дня Захарий вышел на палубу, его приветствовал веселый оклик:

– Привета, Зикри-малум! Живот болеть? Думать, чего там намешать?

Поначалу опешив, Захарий быстро сообразил, что общаться с боцманом очень легко, словно эта странная речь развязала его собственный язык.

– Откуда ты родом, серанг Али?

– Моя из Рохингия, Аракан.

– Где ты выучился так говорить?

– Опий корабль, Китай. Янки господин все время так говорить. Как начальник Зикри-малум.

– Я не начальник, – поправил Захарий. – Зачислен корабельным плотником.

– Ничего, – отечески ободрил боцман. – Скоро-скоро Зикри-малум будет настоящий господин. Скажи, женка есть?

– Нет! – рассмеялся Захарий. – А ты женат?

– Мой женка помер, – был ответ. – Ушел в рай небеса. Ничего, серанг Али ловить новый женка...

Через неделю боцман вновь обратился к Захарию:

– Зикри-малум! Капитан-мапитан жопа – пук-пук-пук! Шибко больной! Надо доктор. Кушать не может. Все время ка-ка, пи-пи. Каюта сильно вонять.

Захарий постучал в дверь капитанской каюты, но получил ответ, что все в порядке, мол, легкий понос, не дизентерия, поскольку в дерьме крови и выделений нет.

– Сам вылечусь, – сказал шкипер. – Не впервой брюхо прихватило.

Но вскоре он так ослаб, что уже не мог выходить из каюты, и тогда вахтенный журнал и навигационные карты перешли к Захарию. С журналом было просто, поскольку до двенадцати лет Захарий учился в школе и мог медленно, зато каллиграфически выводить буквы. Другое дело – навигация; азов арифметики, постигнутых на верфях, для дружбы с числами не хватало. Однако с самого отплытия Захарий усердно наблюдал, как шкипер и первый помощник делают полуденные измерения, и порой даже задавал вопросы; ответ зависел от настроения командиров – либо что-нибудь буркнул, либо кулаком в ухо. Теперь, пользуясь часами капитана и секстантом, унаследованным от утопшего помощника, он часами пытался определить местоположение корабля. Все кончилось паникой, ибо его расчеты показали, что шхуна на сотни миль отклонилась от курса. Когда Захарий отдал ху-

кум сменить курс, он вдруг понял, что фактически кораблем управляли совсем другие руки.

– Зикри-малум думать, ласкар-маскар не уметь плыть? – обиделся серанг Али. – Ласкар-маскар давно много паруса ходить, погоди-гляди.

– Мы на триста миль в стороне от курса на Порт-Луи! – кипятился Захарий, но получил резкую отповедь:

– Зачем Зикри-малум шибко кричать, зачем шум и много хукум? Зикри-малум только учись. Он корабль не знать. Не видеть серанг Али хорошо уметь. Три дня – и корабль Порт-Луи, погоди-гляди.

Ровно через три дня, как и было обещано, по правому борту открылись переплетения маврикийских холмов, а затем Порт-Луи, угнездившийся в бухте.

– Ничего себе! – завистливо воскликнул Захарий. – Пропади я пропадом! Нам точно сюда?

– Что я говорить? Серанг Али лучше всех корабль водить.

Позже Захарий узнал, что боцман все время вел корабль по собственному курсу, используя метод, в котором сочетались навигационный расчет (*тун ка шумар*) и частое обращение к звездам.

Разболевшийся капитан не мог покинуть “Ибис”, и на Захария свалились дела судовладельца, среди которых была доставка письма хозяину плантации, расположенной милях в шести от города. Захарий уже готовился сойти на берег, но его перехватил боцман Али.

– Зикри-малум так ходить Пор-Луи и попасть большой беда, – озабоченно сказал он, оглядывая Захария с ног до головы.

– Почему? Кажись, все в порядке.

– Погоди-гляди. – Али на шаг отступил и вновь окинул Захария критическим взглядом. – Что ты носить?

Захарий был в повседневной одежде: холщовые порты и линялая форменка из грубого оснабрюкского полотна. За недели в море лицо его обросло щетиной, курчавые волосы засалились, пропитавшись смолой и солью. Ничего непристойного, да и дел-то – отнести письмо.

– Ну и что? – пожал плечами Захарий.

– Такой наряд Зикри-малум ходить Пор-Луи и назад не приходиться, – сказал Али. – Шибко много злой бандит. Охотник ловить раб. Малум заманить, делать раб, больно бить, пороть. Плохо.

Захарий призадумался и, возвратившись в каюту, внимательнее рассмотрел имущество, доставшееся ему после гибели и бегства двух помощников капитана. Один из них был щеголем, и обилие одежды в его рундуке даже напугало: что с чем надевать? И по какому случаю? Одно дело смотреть, как кто-то в таких нарядах сходит на берег, и совсем другое – напялить их самому.

И снова на помощь пришел боцман Али. Оказалось, среди ласкаров много тех, кто может похвастать иным мастерством, кроме матросского, – например, ламповщик, некогда

служивший “гардеробщиком” судовладельца, или стюард, в былые времена подрабатывавший шитьем и починкой одежды, а также подручный матрос, освоивший тупейное искусство и теперь исполнявший обязанности корабельного цирюльника. Под руководством боцмана команда перетряхнула Захарьевы мешки и рундуки, выбрала одежду, примерила, подвернула, ушила и укоротила. Пока стюард-портной и его юнги трудились над швами и отворотами, подручный-брадобрей отвел Захария к шпигату, где с помощью двух юнг подверг небывало тщательной помывке. Захарий все терпел, пока цирюльник не достал флакон с темной пахучей жидкостью, которую вознамерился вылить на его голову.

– Эй! Что это за дрянь?

– Шампунь. – Цирюльник принялся втирать жидкость в волосы. – Славно моет...

Захарий, не слышавший о подобном средстве, нехотя покорился, но потом ничуть не раскаялся – никогда еще его волосы не были такими чистыми и душистыми.

Через пару часов он с трудом узнал себя в зеркале: белая льняная сорочка, летний двубортный сюртук, белый галстук, завязанный изящным узлом. Волосы, подстриженные, расчесанные и стянутые на затылке голубой лентой, спрятались под блестящей черной шляпой. Казалось, ничто не упущено, но боцман Али все еще был недоволен:

– Динь-дон есть?

– Что?

– Часы. – Рука боцмана нырнула в воображаемый жилетный карман.

Мысль, что у него могут быть часы, Захария рассмешила.

– Нету, – сказал он.

– Ничего. Зикри-малум чуть-чуть ждать.

Вытурив ласкаров из каюты, боцман и сам пропал на добрых десять минут. Вернувшись, он что-то прятал в складках саронга. Потом затворил дверь и, развязав пояс, протянул Захарию сверкающий серебряный брегет.

– Мать честная! – Разинув рот, Захарий смотрел на часы, улегшиеся в его ладонь, точно поблескивающая устрица; с обеих сторон часы покрывала затейливая филигранная резьба, цепочка была свита из трех серебряных нитей. Он откинул крышку и, уставившись на стрелки, прислушался к тиканью. – Ну и красота!

На внутренней стороне крышки виднелись мелко выгравированные буквы.

– Адам Т. Дэнби, – прочел Захарий. – Кто это? Ты его знал?

Замявшись, боцман покачал головой:

– Нет, купить часы Кейптаун ломбард. Теперь Зикри-малум хозяин.

– Я не могу их принять, серанг Али.

– Ничего. – Физиономия боцмана осветилась улыбкой, что бывало нечасто. – Порядок.

– Спасибо, – сказал растроганный Захарий. – Никто мне

такого не дарил. – Глянув на себя в зеркало – часы, шляпа, – он расхохотался: – Ну и ну! Как пить дать за мэра примут!

– Зикри-малум настоящий *саиб*¹², – кивнул боцман. – Все как надо. Если фермер-мермер хотеть ловить, ори-вопи.

– Вопить? Ты о чем?

– Шибко-шибко вопи: фермер-мермер, я твоя мама драл-передрал! Я настоящий саиб, моя нельзя ловить! Пистоль клади карман. Если твоя ловить, пали прямо его морда.

Встревоженный Захарий с пистолетом в кармане сошел на берег, но с первых же шагов почувствовал, что к нему относятся с непривычным почтением. В конюшне, где он нанял лошадь, хозяин-француз кланялся, величал “милордом” и не знал, чем угодить. Захарий ехал верхом, а следом бежал грум и подсказывал дорогу.

Городишко состоял из двух-трех кварталов, которые вскоре сменились неразберихой лачуг, бараков и хибар, дальше дорога вилась через густые рощицы и высокие непроходимые заросли сахарного тростника. Окружавшие их холмы и утесы имели причудливый вид – казалось, на равнины уселись колоссальные твари, застывшие в попытке вырваться из плена земли. Временами на тростниковых полях встречались люди – надсмотрщики приветствовали всадника поклоном, учтиво касаясь хлыстами шляп, а работники опускали косы и молча провожали его невыразительными взглядами,

¹² Саиб (сагиб, сахиб) – средневековое индийское обращение к феодалу в значении “господин”, позднее так стали называть европейцев.

заставляя вспомнить о пистолете в кармане. Дом плантатора открылся еще издали, когда Захарий проезжал по аллее деревьев, сбросивших светло-желтую кору. Он ожидал увидеть особняк наподобие тех, что встречал в Делавэре и Мэриленде, однако здешний дом не имел величественных колонн и островерхих окон – это было одноэтажное каркасное строение, окаймленное широкой верандой, где в нижней сорочке и рейтузах с подтяжками сидел хозяин мсье д’Эпинеи. Захарий счел его одеяние вполне обычным, но плантатор всполошился и на скверном английском рассыпался в извинениях за свой неприбранный вид – мол, в этот час никак не ожидал визита джентльмена. Оставив гостя на попечение чернокожей служанки, мсье д’Эпинеи ушел в дом и вновь появился полчаса спустя, одетый как на парад, после чего угостил обедом из множества блюд, сопровождавшихся превосходными винами.

После застолья новоиспеченный саиб огорченно взглянул на часы и объявил, что ему пора уходить. Провожая гостя, мсье д’Эпинеи вручил ему письмо, которое в Калькутте надлежало передать мистеру Бенджамину Бернэму.

– Тростник в полях гниет на корню, мистер Рейд, – сказал плантатор. – Известите мистера Бернэма, что я нуждаюсь в работниках. Теперь, когда на Маврикии нет рабов, приходится брать *кули*¹³, иначе мне крышка. Будьте любезны, за-

¹³ Кули (*хинди*: работник, подневольный) – так называли батраков, которых европейцы с XVIII в. и до начала XX в. перевозили в качестве дешевой рабочей

молвите за меня словечко, а?

Пожимая гостью руку, мсье д'Эпинеи предостерег:

– Осторожнее, мистер Рейд, держите ушки на макушке. Окрестности кишат головорезами и беглыми рабами. Одинокий джентльмен должен быть начеку. Пусть оружие всегда будет под рукой.

Когда Захарий рысцой отъехал от плантаторского дома, в его ушах еще пело слово “джентльмен”, а лицо расплылось в ухмылке; новый ярлык давал неоспоримо большие преимущества, что еще отчетливее выявилось в портовом квартале города. С наступлением сумерек улочки вокруг Ласкар-Базара наполнились женщинами, на которых сюртук и шляпа Захария произвели гальваническое воздействие. Отныне одежда добавлялась в хвалебный перечень. Благодаря магии наряда Захарий Рейд, которым частенько пренебрегали балтиморские шлюхи, буквально стряхивал с себя гроздь женщин: их пальцы пробирались в его шевелюру, их бедра терлись о его ноги, их руки шаловливо играли с пуговицами на ширинке его суконных брюк. После десяти месяцев на корабле он бы с дорогой душой отправился к одной из них, невиданной красавице с цветами в волосах и ярко накрашенным ртом, называвшей себя Мадагаскарской Розой, и уткнулся носом меж ее благоухающих жасмином грудей, облобызал ее отдающие ванилью губы, но вдруг на его пу-

силы из Индии и Китая в свои колонии, остро нуждавшиеся в рабочей силе после отмены рабства.

ти возник серанг Али, чье лицо собралось в мину кинжально-острого неодобрения. Увидев его, Мадагаскарская Роза увяла и исчезла.

– Зикри-малум мозги совсем-мовсем нет? – подбоченившись, спросил боцман. – Башка буль-буль вода? Зачем цветочница хочешь? Кто настоящий саиб?

Захарий был не расположен к нотациям:

– Пошел ты к бесу, серанг Али! Матроса от бардака не удержишь!

– Зачем платить, чтобы девка драть? Ось-ми-ног видеть? Шибко счастливый рыба.

– При чем тут осьминог? – оторопел Захарий.

– Не видеть? Осьминог восемь рук иметь. Шибко счастливый. Все время улыбаться. Почему Зикри-малум так не поступать? Он десять пальцев иметь.

После этой тирады Захарий всплеснул руками и покорно дал увести себя прочь. Всю дорогу боцман Али беспрестанно обмахивал его пальто, поправлял ему галстук и приглаживал волосы. Захарий бранился и шлепал серанга по рукам, но тот не отставал, словно обрел на него права, после того как помог превратиться в образчик аристократа, снабженного всем необходимым для достижения успеха в свете. Вероятно, именно поэтому боцман столь решительно воспрепятствовал связи с базарными девками, ибо устройство амурных дел тоже возьмет на себя. Так решил Захарий.

Недужному шкиперу не терпелось поднять якорь и как

можно скорее добраться до Калькутты. Узнав об этом, боцман Али заартачился:

– Капитан-мапитан шибко хворать. Если доктор не звать, он умирать. Скоро-скоро небеса ходить.

Захарий хотел привести врача, но шкипер не позволил:

– Вот еще! Чтобы всякий задрипанный лекарь щупал меня за корму? Я здоров. Просто легкий понос. Оклемаюсь, едва поднимем паруса.

На другой день ветерок окреп и шхуна вышла в море. Шкипер выбрался на четвердек и объявил, что он в полном ажуре, но боцман Али был иного мнения:

– Капитан холера ловить. Погоди-гляди, язык совсем черный. Зикри-малум лучше держись подальше.

Позже он вручил Захарию вонючий отвар корней и трав:

– Малум пить и не болеть. Холера-молера шибко плохо.

Вняв его совету, Захарий изменил обычному матросскому меню, состоявшему из рагу, галет и лепешек, и переключился на ласкарскую диету из *карибата* и *кеджери* – остро-го риса, чечевицы и солений, к которым иногда добавлялись кусочки рыбы, свежей или вяленой. Сначала от жгучих блюд перехватывало дух, но затем, оценив очищающее воздействие специй, Захарий полюбил их непривычный вкус.

Как и предсказывал боцман Али, через двенадцать дней капитан умер. На сей раз торгов не было – вещи покойного выбросили за борт, а каюту отдраили и оставили открытой, чтоб просквозило соленым ветром.

Когда тело скинули в океан, Захарий прочел из Библии. Его торжественная читка удостоилась похвалы боцмана Али:

– Зикри-малум лучше всех молить. Почему церковный песня не петь?

– Не умею, – ответил Захарий. – Голоса нет.

– Ничего, есть кто уметь. – Боцман поманил долговязого худющего юнгу Раджу. – Он служить миссионер. Поп учить петь салом.

– Псалом? – удивился Захарий. – Какой?

Словно в ответ, парень затынул: “Зачем мнутся народы...”¹⁴

Дабы смысл не ускользнул от слушателя, боцман заботливо снабдил пение переводом, прошептав Захариию в ухо:

– Мол, зачем народ-марод шибко баламутит? Другой дел нету?

– Пожалуй, точнее не скажешь, – вздохнул Захарий.

* * *

Когда через одиннадцать месяцев после отплытия из Балтимора “Ибис” бросил якорь в устье Хугли, из первоначального экипажа сохранились только двое – Захарий и рыжий корабельный кот Крабик.

До Калькутты оставалось два-три дня ходу, и Захарий был

¹⁴ Псалом 2: “Зачем мнутся народы, и племена замышляют тщетное?”.

бы только рад тотчас тронуться в путь. Однако несколько суток команда нетерпеливо ждала лоцмана. В одном лишь саронге, Захарий почивал в своей каюте, когда боцман Али доложил о прибытии береговой шлюпки:

– Мистер Горлопан приехать.

– Это еще кто?

– Лоцман. Шибко орет. Послушать.

Наклонив голову, Захарий уловил гулкий рокот на сходнях:

– Лопни мои глаза, если когда-либо я встречал сброд подобных дурбелей! Расколошматить бы вам бестолковые бошки, дуплецы паршивые! Так и будете топтаться да тряпье перебирать, пока я не изжарюсь на солнце?

Торопливо натянув рубаху и штаны, Захарий вышел из каюты и узрел взбешенного толстяка-англичанина, колотившего по палубе ротанговой тростью. Наряд лоцмана был нелепо старомоден: высокий стоячий воротничок, закругленные полы сюртука, пестрый поясной шарф. Лиловые губы и брыластые щеки, украшенные бакенбардами котлетой, создавали впечатление, что эту багровую физиономию слепили на прилавке мясника. За спиной толстяка виднелась кучка ласкаров-носильщиков с разнообразными баулами, портпледами и прочим багажом.

– Что, мозги совсем профукали, паршивцы? – От крика на лбу лоцмана вздулись вены, однако матросы не двигались с места. – Где помощник? Ему доложили о моем при-

бытии? Чего рты пораззявили! Шевелись, пока не отведали моей палки! Уж тогда и Аллах вам не поможет!

– Прошу прощенья, сэр, – вышел вперед Захарий. – Весьма сожалею, что пришлось ждать.

Лоцман неодобрительно сощурился на его босые ноги и потрепанную одежду:

– Глаза б мои не смотрели! Вы позволили себе опуститься, приятель. Сие негоже для единственного саиба на борту, если он не хочет насмешек своих же черномазых.

– Извините, сэр... немного замотался... Захарий Рейд, второй помощник.

– Джеймс Дафти, – буркнул толстяк, неохотно пожимая протянутую руку. – Числился в речниках Бенгальского залива, ныне лоцман и представитель компании “Братья Бернэм”. Берра-саиб, в смысле Бен Бернэм, просил меня позаботиться о шхуне. – Дафти небрежно кивнул на ласкара за штурвалом: – Мой рулевой, свое дело знает – с закрытыми глазами проведет по Буренпутеру. Ну пусть его правит, а нам бы не помешал глоток бормотухи. Как вы?

– Бормотухи? – Захарий поскреб подбородок. – Извините, мистер Дафти, а что это?

– Кларет, мой мальчик, – беспечно ответил лоцман. – Неужто не держите? Ладно, сойдет и грог.

2

Прошло два дня. Дити с дочкой обедали, когда перед их лачугой остановилась повозка Чандан Сингха.

– Эй, мать Кабутри! – крикнул деверь. – На фабрике Хукам Сингх грохнулся без чувств. Надо забрать его домой.

С этим он дернул вожжи и укатил, торопясь к своей трапезе и послеобеденной дреме; не предложить помощь было вполне в его духе.

По шее Дити побежали мурашки – не из-за того, что новость ошарашила, последние дни мужу нездоровилось, и потому известие о его обмороке не стало такой уж неожиданностью. Однако возникло уверенное предчувствие, что это событие как-то связано с призраком корабля – словно ветер, пригнавший видение, теперь обдул спину.

– Что делать, мам? – спросила Кабутри. – Как же мы его заберем?

– Найдем Калуа с повозкой. Ну же, идем.

В этот час возчик наверняка был в своей деревушке Чамарс, до которой ходу всего ничего. Загвоздка в том, что он, вероятно, захочет плату, но лишнего зерна и фруктов не имелось, а денег и подавно. Прикинув варианты, Дити поняла, что нет иного выхода, как залезть в деревянный резной ларец, в котором муж хранил запас опиия; шкатулка был заперта, но она знала, где спрятан ключ. Слава богу, в ларце на-

шлись куски твердого опия и порядочный шмат мягкого, завернутый в маковые лепестки. Дити решила взять твердый опий и, отрезав ломтик размером с ноготь большого пальца, обернула его маковым роти, изготовленным утром. Сверточек она спрятала за пояс сари и по меже, разделявшей маковые поля, зашагала в сторону Гхазипура; Кабутри скакала впереди.

Цветы плавали в знойном мареве от полуденного солнца, одолевшего зенит. Дити прикрыла лицо накидкой, дешевая материя которой уже так истончилась, что просвечивала насквозь, размывая очертания предметов и одаривая пухлые коробочки маков красноватым венчиком. Шагая среди полей, Дити отметила, что соседские посевы сильно обогнали ее собственные – на коробочках уже сделаны надсечки, запекшиеся вязким соком. Его сладкий, опьяняющий аромат привлекал тучи насекомых, воздух полнился гуденьем пчел и ос, стрекотом кузнечиков, многие завязнут в липкой массе, и наутро, когда сок потемнеет, их тельца станут желанной добавкой к весу урожая. Казалось, маки умиротворяют даже бабочек, которые порхали в странно переменчивом ритме, словно забыли, как летать. Одна села на ладонь Кабутри и не взлетала, пока ее не подбросили в воздух.

– Ишь как замечталась, – сказала Дити. – Значит, добрый будет урожай. Может, сумеем крышу подлатать.

Она обернулась к своей далекой хижине, казавшейся отсюда плотиком на маковой реке. Крыше срочно требовался

ремонт, но сейчас, в маковую эпоху, материал для кровли было найти нелегко; в старину, когда окрестные поля засеивали озимой пшеницей, а по весне собирали урожай, солома шла на ремонт прохудившихся домов. Нынче всех заставляли сажать мак, солому приходилось покупать в дальних селениях, и она обходилась так дорого, что с ремонтом тянули сколько можно.

Раньше все было иначе: маки считались роскошью, ими засаживали крохотные пятачки меж полей, где выращивали пшеницу, красную чечевицу и овощи. Часть макового семени мать Дити отправляла на выжимку, остальное же хранила как посадочный материал и приправу к мясу и овощам. Сок очищали от примесей и сушили на солнце, пока он не превращался в твердый опий; в те времена никто не помышлял о мягком паточном опиине, который готовили на английской фабрике и кораблями отправляли за море.

В былые дни крестьяне держали у себя немного самодельного опиина на случай хвори, страдной поры и свадеб, все остальное продавали местной знати и купцам из Патны. Пары-тройки маковых клочков хватало и для домашнего пользования, и на продажу, никто не помышлял сажать больше, ибо вырастить мак – адова работа: пятнадцать раз вскопай землю и всякий комок вручную раскроши, возведи оградки и насыпи, унавозь и беспрестанно поливай, а потом не упусть срок, чтоб по отдельности надрезать, выдоить и выскрести каждую коробочку. Этакие муки переносимы, если ма-

ка у тебя грядка-другая, и только безумец захочет умножить тяготы, когда есть культуры полезнее – пшеница, чечевица, овощи. Но эти добрые озимые посадки неуклонно сокращались, ибо аппетит опийной фабрики никак не насыщался. С наступлением холодов английские саибы не позволяли сеять ничего другого, кроме мака, агенты ходили по домам, всучивали аванс и заставляли подписать контракт. Отказаться было нельзя, иначе деньги украдкой оставят в доме или подбросят в окно. Белого судью не убедить, что денег ты не брал, а отпечаток твоего пальца фальшивый; мировой, который получает комиссионные, ни в жизнь тебя не оправдает. В результате твой доход составит не больше трех с половиной рупий, что лишь чуть-чуть больше аванса.

Дити сорвала и понюхала коробочку с подсыхающим соком, запах мокрой соломы смутно напомнил ядреный аромат новой крыши после ливня. Если урожай не подкачает, вся нынешняя выручка пойдет на ремонт кровли, иначе дожди окончательно ее погубят.

– Ты знаешь, что нашей крыше уже семь лет? – спросила она дочку.

Девочка вскинула темные ласковые глаза:

– Семь? Но ведь столько и ты замужем.

– Да, столько же... – кивнула Дити и легонько пожалала руку дочери.

Тогда новую крышу оплатил отец, это было частью приданого, которое он с трудом осилил, но на расходы не скупил-

ся, поскольку выдавал замуж последнюю дочь. Дити ждала несчастливая судьба, ибо родилась она под знаком Сатурна (Шани) – планеты, которая мощно влияет на своих подопечных, привнося в их жизнь разлад и несчастье. Имея перед собой столь беспросветное будущее, особых надежд она не питала: если когда и выйдет замуж, то, наверное, за человека много старше себя, скорее всего за престарелого вдовца, которому понадобилась новая жена – нянчиться с его выводком. Так что Хукам Сингх выглядел вполне приличной партией; не последнюю роль в этом браке сыграло и то, что его предложил Кесри Сингх, родной брат Дити. Они с Хукамом служили в одном батальоне и участвовали в паре заморских кампаний; брат говорил, что увечье предполагаемого мужа несущественно. В его пользу были и родственные связи, самую важную из которых представлял дядя – в армии он дослужился до чина *субедара*¹⁵, а после отставки подыскал себе прибыльную должность в калькуттском торговом доме и способствовал устройству родичей на теплые места; кстати, именно он обеспечил будущего жениха завидной работой на опиной фабрике.

Когда сватовство перешло в следующую фазу, стало ясно, что дядюшка – движущая сила этого супружества. Он не только возглавлял делегацию, прибывшую утрясти детали, но от имени жениха вел все переговоры; когда настал черед Дити появиться в комнате и снять накидку, она показала ли-

¹⁵ Субедар – чин в индийской армии, соответствовавший чину капитана.

цо больше дядюшке, чем жениху.

Бесспорно, субедар Бхиро Сингх, которому перевалило далеко за пятьдесят, был мужчина видный: роскошные седые усы, закрученные к мочкам, и румяное лицо, слегка подпорченное шрамом на левой щеке. Безупречно белую чалму и дхоти он носил с небрежной самоуверенностью, отчего казался на голову выше других. О его крепости и энергии свидетельствовали бычья шея и солидное брюхо, которое выглядело не излишком, как у других мужчин, но кладезем жизненной силы.

Рядом с ним жених и его родня казались милыми скромниками, что в немалой степени повлияло на согласие невесты. Пока шли переговоры, через щелку в стене Дити внимательно изучала гостей, будущая свекровь ни страха, ни интереса не вызвала. Младший брат не понравился сразу, но этот сопляк мог стать в худшем случае источником легкого раздражения. А вот Хукам Сингх приятно впечатлил военной выправкой, которую хромота лишь подчеркивала. Еще больше в женихе привлекали спокойная манера и неспешная речь, представлявшие его не баламутом, но безобидным трудягой, что для супруга весьма немаловажно.

Брачный обряд и долгую поездку вверх по реке в новый дом Дити перенесла безбоязненно. В подвенечном сари, закрывавшем лицо, она сидела на носу лодки и чувствовала приятное возбуждение, слушая песню женщин:

Сакхия-хо, сайя море тисе масала
Сакхия-хо, бара митха лаге масала

Ой, подружки, как томит любовь!
Ой, подружки, до чего же сладко!

Пение продолжалось, когда в паланкине ее несли от реки к мужнему дому; накидка мешала разглядеть обстановку, однако на пути к увитому гирляндами брачному ложу она учуяла запах новой кровли. Песенные намеки уже лились через край, и Дити напряженно ждала новобрачного, который сейчас войдет и повалит ее навзничь. В первый раз помучай его хорошенько, наставляла сестра, иначе он тебе продыху не даст. Дерись, царапайся и не давай лапоть титьки.

Аг мор лагал ба
Аре сагаро баданья...
Тас-мас чоли карай
Барбала джобанава

Я вся горю,
Я вся пылаю...
Набухла грудь,
Торчат соски...

Когда дверь отворилась и на пороге возник Хукам Сингх,

готовая к отпору Дити съежилась на кровати. Как ни странно, муж не сдернул с нее накидку, но тихо и невнятно произнес:

– Эй, чего ты свернулась, будто змея? Посмотри-ка, что у меня.

Опасливо выглянув из-под складок сари, Дити увидела резной ларец. Муж поставил шкатулку на кровать и откинул крышку, выпустив сильный лекарственный запах, жирный, ядреный, густой. Дити знала, что так пахнет опий, хотя прежде не встречала его в столь мощно сконцентрированном облике.

– Гляди! – Муж показал внутренности ларца, размежеванного на отделения. – Знаешь, что это?

– Опий.

– Правильно, только разных видов. Вот... – Мужнин палец коснулся ломтика обычного *акбари*, черного и твердого, а затем переместился к шарик *мадака* – клейкой смеси опиия с табаком. – Видишь, это дешевка, что курят в трубках. – Потом муж обеими руками вынул ломтик, упакованный в маковые лепестки, и положил на ладонь Дити, чтобы она ощутила его мягкость. – А вот что мы делаем на фабрике – *чанду*. Его здесь не найдешь, саибы отправляют его за море, в Китай. Чанду не жуют, как акбари, и не курят, как мадак.

– Что же с ним делают?

– Хочешь посмотреть?

Дити кивнула; Хукам Сингх снял с полки очень длинную

бамбуковую трубку, прокуренную и почерневшую. На конце ее был мундштук, а посредине приспособлен глиняный шарик с крохотной дырочкой наверху. Явно благоговей перед трубкой, Хукам Сингх поведал, что прибыла она издалека – из Южной Бирмы. Таких трубок не сыскать ни в Гхазипуре, ни в Бенаресе и даже во всей Бенгалии, их привозят из-за Черной Воды, они очень дорогие, не для баловства.

Длинной иглой он ткнул в мягкий черный чанду и поднес кончик к пламени свечи. Когда опий зашипел и вспузырился, Хукам Сингх положил его на отверстие шарика и через мундштук глубоко вдохнул. Потом закрыл глаза и медленно выпустил из ноздрей белый дым. После того как облачко растаяло, он любовно огладил бамбуковую трубку и, наконец, заговорил:

– Ты должна знать – это моя первая жена. Когда меня ранили, она спасла мне жизнь. Если б не она, нынче меня бы здесь не было, я бы давно в муках умер.

Лишь после этих слов Дити поняла, какое будущее ей уготовано; вспомнилось, как в детстве они с подружками насмеялись над деревенскими курильщиками опия, которые словно пребывали во сне, вперив в небо тупой помертвевший взгляд. Перебирая варианты замужества, она даже подумать не могла, что выйдет за опийного пристрастника. Да и как такое в голову придет? Ведь брат заверил, что увечье жениха несущественно.

– Кесри знал? – тихо спросила Дити.

– О трубке? Да нет, откуда ему знать, – усмехнулся Хукам Сингх. – Я стал курить, лишь очутившись в госпитальном бараке. По ночам боль не давала раненым спать, и тогда местные санитары-араканцы принесли трубки и научили, что с ними делать.

Что толку сокрушаться, если теперь они обручены? Казалось, тень Сатурна скользнула по лицу Дити, напоминая о ее судьбе. Тихонько, чтобы не потревожить супруга в его забыты, она сунула руку под накидку и отерла глаза. Но звякнувшие браслеты его пробудили, он снова поднес иглу к свече. Потом улыбнулся и приподнял бровь, будто спрашивая, не хочет ли Дити попробовать. Она кивнула: если уж дым мог унять боль в разможенных костях, то смятенную душу успокоит и подавно. Дити хотела взять трубку, но муж отстранился:

– Нет, ты не умеешь.

Затянувшись, он прижался ртом к ее губам и выдохнул дым. Голова ее поплыла – то ли от дыма, то ли от прикосновения его губ. Напряжение спало, и тело ее обмякло, наполняясь восхитительной слабостью. Покачиваясь на волнах блаженства, Дити откинулась на подушку, а губы мужа вновь сомкнулись на ее губах, наполняя ее дымом, от которого она соскользнула в иной мир, более яркий, добрый и совершенный.

Наутро Дити открыла глаза и почувствовала тупую боль внизу живота, между ног немного саднило. Свадебное сари

было задрано, на бедрах запеклась кровь. Одетый муж лежал рядом, прижав ларец к груди. Дити его растолкала:

– Что было ночью? Все как надо?

Хукам Сингх кивнул и сонно улыбнулся:

– Да, все хорошо. Мои родные получают доказательство твоей невинности. С божьей помощью твое лоно скоро обретет плод.

В это очень хотелось верить, но вялая расслабленность мужа вызывала сомнение в том, что ночью он был способен на любовные подвиги. Дити старалась вспомнить, что произошло, однако ночные события начисто стерлись.

Вскоре появилась свекровь; сморщившись в улыбке, она сбрызнула брачное ложе святой водой и ласково проворковала:

– Все прошло как по маслу, доченька. Ах, какое славное начало новой жизни!

Вторя благословениям, дядюшка Бхи́ро Сингх сунул золотую монету:

– Вскоре твое чрево наполнится, ты родишь сыновей...

Вопреки этим заверениям, Дити не могла избавиться от мысли, что в брачную ночь произошло что-то неладное. Но что?

В дальнейшем подозрение окрепло, ибо Хукам Сингх, каждый вечер впадавший в опийную оцепенелость, не проявлял к ней никакого интереса. Дити прибегла к разным уловкам, дабы вырвать его из чар трубки, но все напрасно:

бесполезно скрывать опий от рабочего фабрики, где его производят, и прятать трубку – он тотчас раздобудет новую. Временная разлука с опиём ничуть не пробуждала в нём любовного желания, напротив, делала его злым и замкнутым. В конце концов Дити пришла к заключению, что Хукам Сингх не мог быть её супругом в полном смысле слова – либо увечье лишило его мужской силы, либо опий отбил всякую охоту к плотским утехам. Но вскоре живот её стал расти, и к прежним сомнениям добавилось новое: если не муж, то кто же её обрюхатил? Что произошло той ночью? В ответ на расспросы Хукам Сингх разглагольствовал о надлежащем закреплении брачных уз, но взгляд его говорил, что он, одурманенный опиём, сам ничего не помнит и все его впечатления навеяны кем-то другим. А вдруг её собственное беспмятство тоже было подстроено тем, кто знал о бессилии мужа, но ради спасения семейной чести решил его скрыть?

Свекровь ни перед чем не остановится, когда речь идет о сыновьях, всего-то и надо уговорить Хукам Сингха поделиться с новобрачной опиём, все остальное сделает сообщник. Возникла картина: вот старуха задирает ей сари, а потом придерживает её ноги, пока над ней кто-то трудится. Дити не позволяла себе поддаться первому подозрению насчет личности сообщника, установление отцовства слишком серьезное дело, чтобы решать его с бухты-баракты.

Наседать на свекровь бессмысленно, она лишь наворотит гору утешительной лжи. Но каждый день давал новые улики

ее соучастия, и особенно убеждал тот довольный хозяйский взгляд, каким она окидывала растущий живот, словно ребенок принадлежал ей, а тело невестки было его хранилищем.

Так вышло, что именно старуха подтолкнула ее к действию на основе имевшихся подозрений. Однажды, поглаживая ее живот, свекровь сказала:

– Вот этого родим, а за ним и другие пойдут, мал мала меньше.

Вскользь брошенная реплика открыла, что мамаша ничуть не сомневается в повторении брачной ночи: Дети одурманят и растелешат, а потом неведомый сообщник вновь ее снасильничает.

Что же делать? Ночью лил дождь, и весь дом пропитался запахом мокрой соломы. Травяной аромат прояснял мысли; думай, приказала себе Дети, нечего стенать о влиянии планет! Вспомнился безучастный сонный взгляд мужа... Почему же у матери глаза совсем другие? Отчего его взгляд пуст, а ее пронырлив и хитер? Ответ нашелся внезапно: ну конечно, различие скрыто в ларце.

По подбородку Хукам Сингха сбегала струйка слюны, он крепко спал, уронив руку на ларец. Дети осторожно вытянула шкатулку и разогнула пальцы, сжимавшие ключ. Из-под крышки выплыл густой затхлый аромат. Отвернувшись, с плитки твердого акбари Дети отщипнула несколько стружек и спрятала их в складках сари. Потом заперла коробку и вернула ключ на место; рука спящего жадно ухватила своего

ночного компаньона.

Утром Дити добавила чуточку опия в подслащенное молоко. Старуха залпом проглотила содержимое кружки и до полудня нежилась в тени манго. Ее довольство пригасило всякие опасения, и с тех пор Дити подмешивала опий во все, что подавала свекрови, – соленья, оладьи, запеканки и чечевицу. Очень скоро старуха как-то притихла и успокоилась, голос ее утратил резкость, взгляд помягчел; беременность Дити ее уже не интересовала, целый день она проводила в постели. Все родственники, приходившие в гости, отмечали ее умиротворенность, а сама она неустанно превозносила свою любимую невестку.

Дити все больше и больше проникалась почтением к мощи опия: как же слаб человек, если его можно усмирить крохой этого вещества! Теперь ясно, почему гхазипурская фабрика находится под неусыпной охраной сипаев; если малая толика зелья позволила обрести такую власть над жизнью, нравом и душой старухи, то, имея брусок этой отравы, можно захватывать царства и управлять народами. А ведь наверняка есть и другие снадобья!

Дити стала присматриваться к бродячим повитухам и знахаркам, заглядывавшим в их деревню, научилась распознавать коноплю и дурман-траву, которые на пробу скармливала свекрови, подмечая результат.

Именно отвар дурман-травы расколол старуху, отправив ее в невозвратное забытье. В последние дни сознание ее по-

мутилось и она часто называла невестку Драупади¹⁶; на вопрос “почему?” мамаша пробормотала:

– Свет не видывал никого добродетельней жены пяти братьев. Она счастливица, ибо понесла от каждого...

Старухин бред убедил Дити в том, что отцом ее ребенка был Чандан Сингх, похотливый деверь-губошлеп.

* * *

Два дня “Ибис” пробирался по заиленной Хугли и наконец подошел к Калькутте. Борясь с внезапными порывами ветра, шхуна бросила якорь, чтобы дожидаться рассветного прилива, который доставит ее к месту назначения. В город послали нарочного, дабы уведомить мистера Бенджамина Бернэма о предстоящей швартовке.

“Ибис” был не единственным судном на входе в бухту, неподалеку стал на якорь величавый корабль-дом, принадлежавший большому поместью Расхали, что в двенадцати часах езды от Калькутты. За прибытием шхуны наблюдал за-

¹⁶ Драупади – героиня древнеиндийского эпоса “Махабхарата”, дочь царя племени панчалов и общая жена братьев Пандавов. На руку Драупади, первой красавицы мира, претендует множество женихов, и ее отец устраивает состязание лучников, где побеждает один из Пандавов – Арджуна. Братья возвращаются домой и сообщают своей матери Кунти, что пришли с большой добычей. “Наслаждайтесь ею совместно”, – отвечает Кунти, не зная, о чем речь, и Драупади становится общей женой пяти братьев.

*миндар*¹⁷ имения раджа Нил Раттан Халдер, находившийся на борту своего плавучего дворца вместе с восьмилетним сыном и внушительным штатом прислуги. Его сопровождала также любовница – некогда знаменитая танцовщица, известная миру под сценическим псевдонимом Элокеша; после посещения родового имения раджа возвращался в Калькутту.

Халдеры из Расхали принадлежали к одному из старейших и наиболее знатных бенгальских землевладельческих родов; их корабль, невиданно роскошное речное судно, являл собой неповоротливый полубаркас, переоснащенный в бригантину – этакий англизированный вариант непритязательной бенгальской лохани. Внушительных размеров корпус двухмачтового корабля был выкрашен серым и голубым, под стать ливреям обслуги, а на парусе и носу сияла фамильная эмблема – стилизованная голова тигра. На главной палубе располагались шесть больших кают с венецианскими окнами за жалюзи и большой зал, сверкающий зеркальными панелями и хрустальными вставками, он использовался только для официальных приемов и был достаточно велик, чтобы устраивать танцы и прочие увеселения. К столу подавались роскошные блюда, но готовка на судне была запрещена. Пусть не брамины, ортодоксальные индусы Халдеры ревностно блюли табу и обычаи высшей касты, а потому предавали анафеме грязь, связанную со стряпней. Обыч-

¹⁷ Заминдар – наследственный крупный землевладелец-феодал в средневековой и колониальной Индии.

но корабль буксировал легкую парусную лодку, служившую не только камбузом, но и плавучей казармой для небольшой армии охранников и всяческих лакеев, обихаживавших заминдара.

Верхняя палуба представляла собой огражденную перилами галерею, откуда запускали воздушных змеев. Наряду с такими увлечениями, как, скажем, музыка или разведение роз, сие занятие было весьма популярно в семействе Халдеров, но они привнесли в него столько всяких тонкостей, что невинная забава превратилась в своего рода искусство. Если обычные люди стремились к тому, чтобы их змеи повыше воспарили и переплюнули соперников, то Халдеров интересовали стиль полета и его соответствие ветру, для обозначения которого поколения праздных землевладельцев выработали собственную терминологию: крепкий устойчивый ветер именовался *нил*, то есть “синий”, резкий норд-ост – “пурпурный”, а слабое дуновение – “желтый”.

Ветер, принесший “Ибис”, был совсем иного цвета, Халдеры называли его *суклат* – оттенок алого, который сулит нечаянную благосклонность судьбы. Их род славился крепкой верой в предзнаменования, и в этом, как и во многом другом, Нил Раттан Халдер был ярким приверженцем семейных традиций; уже больше года его преследовали неудачи, и внезапное появление “Ибиса”, а также изменчивый цвет ветра служили верной приметой добрых перемен.

Нынешний заминдар был назван в честь благороднейшего

из ветров – крепкого синего бриза (годы спустя, когда раджа займет свое место в святилище Дити, его образ будет передан мазками этого цвета). Нил унаследовал свой титул недавно, после смерти отца, случившейся два года назад. Ему было под тридцать, он миновал пору юности, но сохранил хрупкий облик чахлого, болезненного ребенка. Его тонкое вытянутое лицо имело бледность, какую обретает тот, кого вечно прикрывают от палящего солнца, а длинные конечности своей худобой напоминали побеги тенелюбивых растений. Светлая кожа подчеркивала яркость красных губ в подкове тонких усов.

Как все в его роду, с рождения Нил был обручен с дочерью видного землевладельца; супружество, которое он отпраздновал в двенадцать лет, увенчалось лишь одним живым ребенком – вероятным продолжателем семейного древа Радж Раттаном, нынче отметившим свое восьмилетие. Наследник более чем кто-либо в их роду увлекался воздушными змеями, именно по его настоянию Нил поднялся на верхнюю палубу в тот день, когда “Ибис” бросил якорь в калькуттской бухте.

Внимание заминдара привлек флаг владельца, развевавшийся на грот-мачте, – этот клетчатый вымпел он знал так же хорошо, как собственный стяг, ибо его семейное состояние уже давно зависело от фирмы, основанной Бенджамином Бернэмом. Нил тотчас понял, что “Ибис” – ее новое приобретение. С террас калькуттской резиденции раджи откры-

вался прекрасный вид на реку, и он знал почти все судна, заходившие в город. Флотилия Бернэма в основном состояла из суденышек местного производства; с недавних пор на реке появились гладкие клиперы американской постройки, но флаги на их мачтах извещали о принадлежности конкуренту – фирме “Джардин и Матесон”¹⁸. Однако “Ибис” суденышком не выглядел – даже неприбранный, он являл собою великолепное произведение корабелов, которое задешево не купишь. Заминдара снедало любопытство, ибо шхуна могла быть предвестником удачи в его делах.

Не выпуская веревки змея, Нил призвал своего камердинера – долговязого уроженца Бенареса по имени Паримал.

– Возьми шлюпку и сплавай на тот корабль, – приказал он. – Расспроси серангов, кто владелец и сколько на борту офицеров.

– Слушаюсь. – Паримал сложил ладони у груди и поклонился.

Камердинер исчез, и вскоре от плавучего дворца отвалила узкая лодка, толчками заскользившая к шхуне. Не прошло и получаса, как слуга доложил, что корабль принадлежит калькуттскому саибу Бернэму.

– Сколько офицеров? – спросил раджа.

¹⁸ “Джардин и Матесон” – торговая фирма, в 1832 г. основанная британцами Уильямом Джардином и Джеймсом Матесоном. Специализировалась на вывозе из Китая чая и шелка и ввозе индийского опиума. После попыток китайского императора запретить опиумную торговлю фирма инициировала “опийные войны” 1840 г.

– Тех, кто носит шляпы, всего двое.

– Кто они?

– Один – мистер Рейд из Второй Англии, – отвечал Паримал. – Другой – лоцман Дафти-саиб. Наверное, господин его помнит, прежде он частенько бывал в вашем доме. Сейчас шлет свое почтение.

Нил кивнул, хотя лоцмана совсем не помнил. Передав лакею веревку змея, он махнул камердинеру, чтобы тот следовал за ним. В своей каюте раджа заточил перо и на листе бумаги написал несколько строк, которые затем присыпал песком. Когда чернила высохли, он отдал письмо Парималу:

– Вот, доставь на корабль и передай лично Дафти-саибу. Скажи, он и мистер Рейд доставят радже удовольствие, если отобедают на его судне. Возвращайся скорее и сообщи ответ.

– Слушаюсь.

Паримал вновь отвесил поклон и попятился в коридор. Сложив пальцы домиком, в глубокой задумчивости Нил сидел за столом; таким его и застала Элокеши, когда впорхнула в каюту, звеня ножными браслетами и благоухая цветочным маслом. Она прыснула и ладошками закрыла радже глаза:

– Всегда ты один! Нехороший! Бяка! Вечно нет времени для твоей Элокеши!

Нил отвел ее руки и улыбнулся. Калькуттские ценители изящного не считали Элокеши прелестницей – слишком круглое лицо, излишне прямой нос и чрезмерно пухлые губы нарушали общепринятый стандарт красоты. Предметом

ее гордости были густые и длинные черные волосы, которые она распускала по плечам, вплетая лишь пару-тройку золотых кисточек. Однако раджу больше привлекала ее душа, нежели внешность, искрометный нрав Элокеши контрастировал с его серьезностью, она была гораздо старше и весьма искушена в светской жизни, но оставалась такой же смешливой и грубой, как в те времена, когда потрясающе легконогой танцовщицей порхала в *тукрах* и *тихаях*¹⁹.

Элокеши вспрыгнула на большую кровать под балдахин, установленную в центре каюты; на скрытом шарфами лице виднелись только надутые губки.

– Десять дней на этом корыте! – простонала Элокеши. – Одна-одинешенька, скукота, а ты даже не взглянешь на меня!

– Почему одна? А подружки? – Нил рассмеялся и кивнул в коридор, где, дожидаясь хозяйку, на корточках сидели три девушки.

– Да ну... Это же мои танцовщицы, – прикрыв ладошкой рот, хихикнула Элокеши.

Дитя города, привыкшее к его столпотворению, она потребовала, чтобы в необычной поездке в деревню ее сопровождала свита, эти три девушки были ее служанками, ученицами и незаменимыми помощницами в оттачивании мастерства. Сейчас, по мановению руки хозяйки, они прикрыли дверь и удалились. Однако далеко не ушли и кучкой сели

¹⁹ Тукры и тихаи – индийские танцевальные композиции.

на палубе, дабы охранять свою госпожу от чьего-либо непрошеного вторжения; время от времени они украдкой заглядывали в каюту сквозь щели жалюзи на тиковой двери.

Оставшись с раджей наедине, Элокеши набросила ему на голову свой длинный шарф и потянула на кровать.

– Ну иди сюда, – капризно приговаривала она, – ты уж там засиделся.

Раджа подошел, и она повалила его на гору подушек.

– Теперь скажи, – несчастным голосом продолжила Элокеши, – зачем ты потащил меня в этакую даль? Ведь так и не объяснил.

Позабавленный ее наигранным простодушием, Нил улыбнулся:

– Ты со мной уже семь лет, но так и не видела Расхали. Вполне естественно, что мне захотелось показать тебе свое поместье.

– Только показать? – Она воинственно тряхнула головой, прибегнув к арсеналу жестов из танца оскорбленной любовницы. – И все?

– А что еще? – Раджа потеревил ее локон. – Разве этого мало? Тебе не понравились окрестности?

– Конечно, понравились, место совершенно роскошное. – Взгляд Элокеши затуманился, словно она припомнила украшенный колоннами дом на речном берегу, огороды и сады. – Столько людей, и так много земли! – прошептала она. – Вот я и подумала о том, как мало для тебя значу.

Нил взял ее за подбородок:

– В чем дело? Ну-ка, ну-ка... Что у тебя на уме?

– Даже не знаю, как сказать... – Пальчики Элокеша принялись расстегивать костяные запонки, наискось бежавшие по груди его курты. – Представляешь, что сказали мои девушки, увидев твое громадное поместье? Госпожа, попросите у раджи немного земли – вам же надо где-то поселить родственников... Да и о собственной старости нужно подумать.

– От твоих девушек одни неприятности, – раздраженно фыркнул раджа. – Лучше бы ты их прогнала.

– Они обо мне заботятся, только и всего, – промурлыкала Элокеша, заплетая косички из поросли на его груди. – Что дурного, если раджа даст землю своей содержанке? Твой отец всегда так поступал. Говорят, его женщинам стоило попросить – и они тотчас получали украшения, шали и службу для родичей...

– Ну да, – криво усмехнулся Нил. – И родичам платили жалованье, даже если их ловили на воровстве.

Пальчики пробежали по его губам.

– Видишь ли, он знал цену любви.

– Ясно, в отличие от меня.

Потомок рода Халдеров и впрямь жил весьма скромно – обходился единственной каретой с парой лошадей и умещался в одном непритязательном крыле семейного особняка. Не такой сладострастник, как отец, он не имел других любовниц, кроме Элокеша, однако на нее свою любовь расточал

без остатка, а его отношения с женой не выходили за общепринятые рамки исполнения супружеского долга.

– Неужели ты не понимаешь, Элокеши? – грустно сказал Нил. – На жизнь, какую вел отец, денег требуется больше, чем может дать имение.

Любовница вдруг обеспокоилась, в глазах ее вспыхнул интерес:

– То есть? Всем известно, что твой отец был одним из богатейших людей города.

Раджа напрягся:

– Лотос растет и в мелком пруду.

Элокеши отдернула руку и выпрямилась.

– Что ты имеешь в виду? Объясни.

Нил понял, что и так уже сказал слишком много; он улыбнулся и скользнул рукой под блузу любовницы.

– Ничего, пустяки.

Иногда ужасно хотелось рассказать ей о проблемах, доставшихся от отца, но раджа слишком хорошо ее знал: если Элокеши проведает, насколько велики его затруднения, она предпримет кое-какие меры. И дело не в ее алчности, нет, просто она, несмотря на все свое жеманство, чувствует ответственность за тех, кто от нее зависит. В этом они похожи. Нил пожалел, что проговорился об отце и преждевременно дал повод для тревоги.

– Не бери в голову, Элокеши. Какая тебе разница?

– Нет, скажи. – Она вновь повалила раджу на подушки.

Калькуттская гадалка уведомила ее о финансовых неприятностях заминдара. Тогда она не придавала этому значения, но сейчас почувствовала: что-то и впрямь неладно; возможно, надо пересмотреть свои варианты. – Говори. Последнее время ты ужасно задумчивый. Что случилось?

– Тебе не о чем беспокоиться. – Раджа не лгал: при любом обороте дел он позаботится, чтобы она была обеспечена. – Тебе, твоим девушкам и твоему дому ничто не грозит...

Его перебил голос камердинера, яростно препиравшегося с девицами: Паримал требовал, чтобы его впустили, но преданные служанки грудью встали на его пути.

Нил поспешно укрыл Элокешу и крикнул:

– Пусть войдет!

Камердинер шагнул в каюту, старательно отводя взгляд от холма на кровати.

– Господин, саибы охотно придут. Они будут здесь сразу после заката.

– Превосходно. Устрой все как при отце, я хочу угостить их на славу.

Паримал испугался, ибо раньше хозяин таких приказов не отдавал.

– Но как устроить, господин? В столь короткий срок... Из чего?

– У нас есть шампанское и красное вино. Ты сам все знаешь.

Дождавшись, когда дверь закроется, Элокеша сбросила

покрывало:

– Что такое? Кто придет? Что надо устроить?

Нил рассмеялся и притянул ее к себе:

– Ты задаешь слишком много вопросов. *Ban-pe-ban!* Пока довольно!

* * *

От неожиданного приглашения на обед мистер Дафти стал болтлив и пустился в воспоминания. Опершись на перила, они с Захарием стояли на палубе.

– Ох, мой мальчик! – вздохнул лоцман. – Я бы порассказал вам о старом радже, которого звал Шельмой Роджером! – Он засмеялся и пристукнул тростью. – Видели б вы того черномазого барина! Вот уж занятный туземец – знать ничего не хотел, кроме пьянки, девиц и гулянок! Никто не мог перещеголять его застолья. Сверкают зеркала, пылают свечи и лампы, орды носильщиков и лакеев, разлитое море французской бормотухи и ледяной шипучки! А закуски! У Роджера была лучшая в городе кухня. Тут вам не сунут *пишпаш* или *коббилимаш*²⁰. Жаркое и плов были весьма хороши, но мы, стреляные воробьи, ждали, когда подадут рыбу латес с карри и *чички*²¹ со шпинатом. Уж поверьте, снедь была первосортной, но ужин – это лишь затравка, настоящий шурум-бурум

²⁰ Пишпаш – рисовый суп; коббилимаш – блюдо из вяленой рыбы.

²¹ Чички – овощное рагу.

начинался потом, в раздевалке танцовщиц. Там вас ждал еще один чакмак! Для господ и дам расставляют стулья. Туземцы умащиваются на ковриках и платках. *Бабу*²² пыхтят кальянами, саибы раскуривают сигары. Кружат танцовщицы, музыканты бьют в барабаны. О, старый развратник знал толк в веселье! Бывало, хитрый шайтан заметит, что вам приглянулась какая-нибудь бабешка, и подсылает слугу. Малый кланяется и приплясывает вокруг вас, будто ничего такого. Все вокруг думают, что вы обожрались сластей и вам срочно надо в какаториум. Но вас провожают не в галльон, а в укромную комнатку, чтобы вы потешили своего озорника. Никому и в голову не придет, что сейчас вы втыкаете индюка девице между баками и вкушаете черную ягоду. – Дафти ностальгически вздохнул. – Ох, славно баламутили на этих посиделках! Нынче уж нигде вам так не пощекочут шалуна.

Захарий кивал, будто все понял.

– Стало быть, вы хорошо знакомы с тем, кто приглашает нас отобедать?

– Не с ним, а с его отцом. Сынок схож с папашей не больше чем нектандра с красным деревом. – Лоцман неодобрительно хрюкнул. – Чего я терпеть не могу, так это ученых туземцев. Старик знал свое место, его нипочем не увидишь с книжкой. А молокосос напускает на себя – ну прям тебе важная шишка. Вообще-то их род не шибко знатный, дворянство им пожаловали как бакшиш за верность Короне. –

²² Бабу – здесь: уважаемые индусы.

Теперь мистер Дафти презрительно фыркнул. – Нынче всякий бабу, разжившийся парой акров, корчит из себя невесть что. А этот молодой паршивец еще цедит через губу, будто персидский падишах. Услышите, как он чешет по-английски, – ну точно макака, что вслух читает “Таймс”. – Толстяк ухмыльнулся и крутанул трость. – Ну вот еще развлечение, кроме жратвы, – ученая обезьяна.

Помолчав, лоцман хитро подмигнул:

– Ходят слухи, что скоро молодцу кердык. Говорят, казна его шибко оскудела.

Захарий больше не мог притворяться, что все понимает.

– Ке... кердык? – сморщился он. – Ну вот опять слово, которого я не знаю.

Ответом на честное признание стала суровая отповедь – дескать, хватит уже выставлять себя безмозглым *гуддой*.

– Гудда – это осел, если вас интересует, – пояснил лоцман. – Здесь Индия, и саибу негоже выглядеть набитым дураком. Если не врубиться, что к чему, вам каюк, и ждать недолго. Это не Балтимор, тут джунгли, где в траве затаились кобры, а на деревьях макаки. Коли не угодно, чтобы вас надули как последнего олуха, ошарашьте туземцев парой словечек на *зуббен*.

Поскольку выволочка была сделана строгим, но снисходительным тоном наставника, Захарий отважился уточнить значение слова “зуббен”.

– Местный жаргон, голуба, – терпеливо вздохнул лоц-

ман. – Освоить его легко, но пользоваться надо с умом. Просто слегка пересыпайте им свою речь, перемежайте с бранью. Упаси вас бог слишком чисто говорить на урду или хинди – примут за туземца. И не мямлите, а то решат, что вы *чи-чи*.

Захарий беспомощно помотал головой:

– Что такое чи-чи, мистер Дафти?

– Чи-чи, лип-лап...²³ Вы что, не знаете? – Лоцман укоризненно приподнял бровь. – Ну, полукровка, понимаете? Усекли? Такому здесь не светит, дорогуша, с дегтем ни один саиб за стол не сядет. Тут с этим строго. Надо оберегать наших *биби*, в смысле дамочек. Одно дело, когда сам изредка макнешь стило в чернильницу. Однако гиену нельзя пускать в курятник. Чуть что, и черного мерзавца засекут кнутом.

Захарий уловил неприятно кольнувший намек. За два дня он успел полюбить толстяка-лоцмана, под личиной крикуна-грубияна угадав добрую и благородную душу. Казалось, мистер Дафти обиняком его предупреждает.

Захарий побарабанил пальцами по перилам и отвернулся:

– Пожалуй, мне стоит переодеться.

– Да уж, надо предстать во всей красе, – кивнул лоцман. – Слава богу, я догадался прихватить чистые подштанники.

Вскоре боцман Али, которого вызвали из рубки, появился в каюте и разложил на койке одежду. Захария уже не пре-

²³ Чи-чи (*chee-chee*) – пренебрежительное название человека смешанных кровей, как правило, англо-индийца; лип-лап (*lip-lap*) – то же самое, только в отношении наполовину голландца, наполовину малайца.

льщала возможность щеголять в чужих роскошных нарядах, и он испуганно воззрился на голубой китель из великолепной саржи, черные нансуковые панталоны, полотняную сорочку и белый шелковый галстук.

– Ну нет, – устало сказал он. – Надоело выкобениваться.

Боцман вдруг стал неуступчив.

– Носить, – тихо, но твердо произнес он, встряхивая брюки. – Зикри-малум теперь важный саиб. Надо правильный одежда.

Захария удивила серьезность его тона.

– Вот еще! Тебе-то на кой черт это случилось?

– Малум надо быть настоящий саиб. Ласкары хотеть, он теперь быть капитан-мапитан.

– Чего?!

Захария вдруг осенило, почему боцману так важно его преобразить: ему надлежит стать командиром, “свободным мореплавателем”, в которые ласкарам путь заказан. Боцман и команда считали его почти своим, но в то же время он мог принять немислимый для них облик, и потому его успех станет их успехом.

Придавленный грузом ответственности, Захарий рухнул на койку и закрыл руками лицо.

– Ты не понимаешь, о чем просишь, – выдохнул он. – Полгода назад я был всего лишь корабельным плотником. Подфартило – стал вторым помощником. Но про капитана забудь, это не по мне. Ни теперь, ни потом.

– Суметь. – Боцман подал рубашку. – Теперь суметь. Зикри-малум очень хорош. Суметь быть благородный господин.

– С чего ты решил, что я справлюсь?

– Зикри-малум знать благородный разговор. Моя слышать, ты говорить мистер Дафти, как настоящий саиб.

– Что? – вскинулся Захарий.

Он был встревожен тем, что боцман подметил его способность к разным манерам. Да, если нужно, он умел болтать, что твой ученый законник, не зря же мать заставляла его сидеть за столом, когда хозяин, от которого она родила, развлекал гостей. Однако матушка не жалела оплеух, заметив в нем спесь или чванство. Она бы перевернулась в гробу, если б узнала, что сынок разыгрывает из себя черт знает кого.

– Ты сам хочешь, ты стать настоящий господин.

– Нет! – Захарий долго терпел, но сейчас взбунтовался. – Хватит! Не хочу слушать этот вздор!

Он вытолкал боцмана из каюты, опять повалился на койку и закрыл глаза. Впервые за долгое время мысли его унеслись к последнему дню на балтиморских верфях. Он вновь увидел залитое кровью темнокожее лицо, выпученные глаза и проломленный гандшпугом череп. Будто наяву, четверо белых плотников окружили Фреди Дугласа и вопили: “Кончай его! Уделай ниггера! Вышиби ему мозги!” – а Захарий и другие цветные (в отличие от Дугласа, не рабы) одеревенели от страха. Он слышал голос Фреди, который не укорял

их за трусость, но призывал бежать без оглядки: “Все из-за места... белые не станут работать с черным... неважно, свободный он или раб... они избавляются от нас, чтоб не отнимали их хлеб...” Вот тогда-то Захарий решил оставить верфи и завербоваться на корабль.

Он встал с койки и открыл дверь, за которой увидел ожидавшего боцмана.

– Ладно, входи, – уныло сказал Захарий. – Только давай мухой, пока я не передумал.

Едва он оделся, как услышал гулкие крики с берега и ответные вопли с корабля. Через пару минут в дверь постучал мистер Дафти:

– Вы не поверите, но к нам пожаловал не кто иной, как сам мистер Бернэм! Берра-саиб! Так не терпится увидеть шхуну, что прискакал верхом. Я выслал гичку, сейчас он будет здесь.

Лоцман смолк и, прищурившись, внимательно изучил наряд Захария. Потом стукнул тростью и вынес приговор:

– Высший класс, мой юный друг! Этому одеянию позавидует и *кизилбаш*²⁴.

– Рад, что выдержал испытание, сэр, – мрачно ответил Захарий.

За его спиной боцман Али прошелестел:

– Что я говорить? Теперь Зикри-малум раджа-саиб.

²⁴ Кизилбаш – древний мусульманский воин в весьма красочной форме.

3

В поселке Чамар обитала лишь каста кожемяк. Дети и Кабутри было негоже туда заходить, но, к счастью, Калуа жил на отшибе, неподалеку от гхазипурского тракта. С дороги Дети частенько видела его колымагу и хибару, больше похожую на хлев. Сейчас она подошла чуть ближе и крикнула:

– Эй, Калуа! Чего делаешь?

Не получив ответа на три-четыре оклика, Дети запустила камушком в темноту бездверной халупы. Послышался звяк, возвестивший, что голыш угодил в кувшин или другую глиняную посудину.

– Калуа! – вновь позвала Дети.

В лачуге что-то зашевелилось, темнота дверного проема стала гуще, и из нее возник согнувшийся в три погибели возчик. словно в подтверждение того, что он обитает в хлеву, следом высунулись морды двух белых бычков, возивших его тележку.

Непомерно высокий детина, на любой ярмарке Калуа вышался над толпой, и даже ловкачи на ходулях уступали ему в росте. Однако свое прозвище Калуа – Черный – он получил из-за оттенка кожи, напоминавшей старое засаленное точило. Говорили, малый вырос в гиганта, потому что в детстве был страшным мясоедом и родители-кожемяки удовлетворяли его ненасытный аппетит падалью – остатками со

скелетов дохлых коров и быков. Еще болтали, что телом он вымахал за счет ума и остался доверчивым простодушным увальнем, какого облапошит даже ребенок. После смерти родителей братьям и другим родичам не составило труда лишиться простофилю законной крохи наследства; он не роптал, даже когда его выжили из отчего дома и поселили в хлеву.

Удача явилась нежданно-негаданно в виде трех отпрысков зажиточного помещичьего рода – заядлых игроков, чьим любимым занятием было делать ставки в схватках борцов и силовых состязаниях. Прослышав об удалце-гиганте, они отправили за ним повозку и приняли в своем доме на окраине города.

– О какой награде ты мечтаешь? – спросили помещики.

Калуа долго скреб голову, а потом ткнул пальцем в тележку:

– *Малик*²⁵, я бы хотел иметь такую повозку, чтобы зарабатывать на жизнь.

Троица кивнула – мол, он получит желаемое, если выиграет схватку и пару раз продемонстрирует свою силу.

Калуа победил во всех матчах, легко одолев местных борцов и силачей. Юные господа получили хороший навар, а великан – свою тележку. Ничего удивительного, что после этого робкий миролюбивый детина хотел закончить спортивную карьеру, ибо не имел других амбиций, кроме извозчицких. Однако не тут-то было: слава о его молодецкой удали

²⁵ Малик – господин, повелитель, изначально арабский монархический титул.

достигла августейших ушей его высочества магараджи Бенареса, и тот пожелал, чтобы гхазипурский силач сразился с его придворным чемпионом.

Поначалу Калуа отнекивался, но помещики его улещивали, а потом пригрозили, что отберут повозку и быков; тогда великан отправился в Бенарес, где на широкой площади перед дворцом Рамгарх потерпел свое первое поражение – уже на старте схватки его отправили в нокаут. Что ж, результат закономерен, сказал довольный магараджа, ведь борьба – состязание не только силы, но и ума, а в последнем Гхазипур вряд ли когда одолеет Бенарес. Родной город был унижен, Калуа вернулся с позором.

Однако вскоре пошли слухи, что причина его поражения в ином: мол, в развратном Бенаресе у помещиков родилась мысль случить гиганта с женщиной. Они позвали друзей и заключили пари: отыщется ли дамочка, которая впустит в себя этого двуногого зверя? Юные шалопаи наняли известную танцовщицу Хирабай и вместе с избранной публикой спрятались за ширмой. Неизвестно, чего ожидала красотка, но, увидев Калуа в одной лишь тряпице вокруг чресел, она якобы возопила: “Этому жеребцу под стать кобыла, а не женщина!”

Потому-то оскорбленный Калуа и проиграл схватку, говорили во всех уголках Гхазипура.

Так вышло, что Дити стала единственным человеком, который мог бы поручиться за верность этой истории. Как-то вечером, накормив мужа, она вдруг обнаружила, что в доме

нет воды; оставлять посуду невытой было нельзя – накликаешь призраков, оборотней и упырей. Ничего, дело пустяковое – ночь светлая, лунная, до Ганга рукой подать. Пристроив кувшин на бедре, через маковое поле Дити пошла к се ребрившейся реке. Она уже почти вышла на песчаный берег, когда услышала перестук копыт, а потом в лунном свете увидела четырех всадников, рысивших со стороны Гхазипура.

Встреча с конником не сулила одинокой женщине ничего, кроме неприятностей, а уж с четырьмя кавалеристами, скачущими бок о бок, и подавно. Не теряя времени, Дити нырнула в маки, доходившие ей до пояса. Всадники приблизились, и она поняла, что ошиблась: верховых было трое, четвертый передвигался на своих двоих. Дити сочла его конюхом, но вот кавалькада подъехала совсем близко, и она разглядела, что пешего тащат на аркане, точно лошадь. Исполин, которого Дити приняла за всадника, был не кто иной, как Калуа. Теперь она распознала и наездников, которых в Гхазипуре все знали в лицо, – троица помещиков-игроков. Один крикнул: “Давай здесь, место хорошее, вокруг ни души!” – по голосу было ясно, что он пьян. Едва не поравнявшись с Дити, всадники спешили; двух коней они связали вместе и отогнали пастись на маковом поле. Третью лошадь, огромную вороную кобылу, подвели к заарканенному Калуа. Великан всхлипнул, повалился на колени и стал хватать помещиков за ноги:

– *Май-бан, хамке маф карелу...* Простите, господа... я не

ВИНОВАТ...

Ответом были пинки и брань:

– Ты ведь нарочно проиграл! Скажешь, нет, сволочь?..

– Знаешь, сколько мы потеряли?..

– Что там Хирабай говорила?..

Дернув за веревку, помещики заставили Калуа встать и подтолкнули его к кобыле, махавшей хвостом. Рукоятью хлыста с великана сдернули набедренную повязку. Один помещик держал кобылу под уздцы, а двое других принялись стегать Калуа по обнаженной спине, пока он не прижался пахом к лошадиному крупу. Гигант испустил вопль, неотличимый от лошадиного ржанья.

Помещики развеселились:

– Видал? И регочет, будто жеребец...

– Скрути ему яйца...

Внезапно кобыла вскинула хвост и испражнилась, изгнав бедра и живот Калуа. Троица зашлась от смеха. Один помещик ткнул великана хлыстом в задницу:

– Давай, Калуа! И ты облегчись!

Видение надругательства над ней в брачную ночь до сих пор преследовало Дити, и теперь, сидя в маковом схроне, она закусила ладонь, чтобы не вскрикнуть. Значит, такое бывает и с мужчинами? Даже такого силача можно унижить и подвергнуть непереносимой муке?

Дити отвернулась и вдруг увидела двух коней, которые подошли к ней почти вплотную, – еще шаг, и они коснутся ее

боками. Понадобилась секунда, чтобы отыскать маковую коробочку без лепестков, но с венчиком острых колючек. Подкравшись к жеребцу, Дити зашипела и ткнула его колючей головкой в холку. Конь отпрянул, точно от змеиного укуса, и бросился прочь, увлекая за собой привязанного собрата. Паника мгновенно передалась вороной кобыле, та рванулась и лягнула великана в грудь. Помещики на миг оцепенели, а потом кинулись за лошадьми, оставив на берегу голого, измазанного навозом Калуа.

Дити понадобилась вся ее отвага, чтобы подойти к бесчувственному телу. Удостоверившись, что злодеи не вернуться, она выбралась из своего укрытия и присела на корточки перед распростертым великаном. Он лежал в тени, и было непонятно, дышит или нет. Дити хотела коснуться его груди, но отдернула руку: трогать голого мужчину само по себе тяжкий грех, а если он еще и беспомощен, кара будет невыносимой. Дити воровато огляделась и, бросив вызов незримому свету, опустила палец на грудь великана. Стук сердца уверил ее в том, что Калуа жив, и она скоренько убрала руку, готовая задать стрекача, если дрогнут его веки. Однако глаза его были закрыты и сам он так недвижим, что Дити отважилась его рассмотреть. Теперь было видно, что, невзирая на колоссальные размеры, он всего-навсего парень, у которого над верхней губой пробивается пушок; сейчас это был не молчаливый чернокожий гигант, дважды в день появлявшийся возле ее дома, а поверженный юноша. Прицокнув языком,

Дити наломала речного камыша, которым, как мочалкой, обтерла навоз с неподвижного тела. Потом аккуратно расправила белевшую на земле повязку, чтобы его прикрыть.

До сих пор ей как-то удавалось не замечать наготы великана, но сейчас взгляд ее задержался внизу его живота. Никогда еще она не видела эту мужскую часть так близко; ее снедали страх и любопытство, и опять возникло видение брачной ночи. Будто по собственной прихоти рука ее скользнула вниз и накрыла штуковину, поразившую нежностью плоти, которая вдруг шевельнулась и чуть набухла. Возникло чувство, что сзади собралась вся деревня и родня наблюдает, как бесстыдница лапает самую неприкасаемую часть этого человека. Дити отпрянула и вновь укрылась в маках.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Калуа с трудом встал и ошалело огляделся. Обмотавшись повязкой, он укувылял прочь, и вид у него был настолько одурелый, что Дити почти уверилась – здоровяк не ведал о ее присутствии.

С тех пор минуло два года, однако память о событиях той ночи ничуть не потускнела, но обрела преступную яркость. Дити лежала рядом с одурманенным мужем, а мысли ее, вопреки усилиям направить их на что-нибудь иное, своевольно устремлялись к той сцене и четко высвечивали пикантные детали. Смятение было бы еще сильнее, если б вдруг оказалось, что память Калуа смакует те же картины, однако вид его утверждал, что он ничего не помнит. Червячок сомнения все же оставался, и при встречах с великаном Дити ста-

рательно избегала его взгляда и всегда закрывала лицо.

И вот теперь, сдерживая волнение, из-под складок истончившегося сари она опасливо наблюдала, как будет воспринят ее приход. Если в глазах Калуа мелькнет хоть искра воспоминания о ее роли в тех ночных событиях, не останется ничего другого, как развернуться и уйти. Возникнет неодолимое препятствие – ведь она не только была свидетелем измышательства (хотя одного этого позора довольно, чтобы сломить человека), но проявила бесстыдное любопытство, если не сказать иначе.

Слава богу, в унылом взгляде великана ничто не промелькнуло. Облаченный в выцветшую безрукавку и грязную повязку, из складок которой бычки тянули застрявшие соломины и травинки, он переминался на ногах толщиной с добрый столб.

– Что случилось? – спросил Калуа.

В его хриплом бесцветном голосе не слышалось никаких намеков, и Дити решила, что воспоминания о той ночи если и были, то уже давно покинули сей неповоротливый скудный ум.

– На фабрике мужу стало плохо, – сказала она. – Надо привезти его домой.

Великан немного подумал и кивнул:

– Ладно. Привезу.

Приободрившись, Дити вынула заготовленный сверточек:

– Заплатить могу только этим, другого не жди.

– Что это? – усталился Калуа.

– Опий, – буркнула Дити. – Об эту пору что еще в доме найдется?

Возчик неуклюже шагнул вперед; Дити положила сверточек на землю и, прижимая к себе дочь, сразу отступила. Немыслимо среди бела дня общаться с представителем иной касты, даже если речь идет о передаче неодушевленной вещицы. Калуа поднял и понюхал сверток. “Может, и он опиийный пристрастник?” – мелькнула мысль, которую Дити сразу прогнала. Какое ей дело? Он чужой, не муж. И все же она почему-то обрадовалась, когда возчик разломил кусок надвое и скормил бычкам, охотно сжевавшим угощение. Потом он запряг их в повозку, а Дити с дочкой, свесив ноги, уселись на задке. Вот так, разделенные бамбуковой тележкой, они двинулись в Гхазипур, не давая болтливым языкам повода для сплетни и упрека.

* * *

В тот же полдень в пятистах милях к востоку от Гхазипура Азад Наскар, более известный как Джоду, готовился к путешествию, которое в результате приведет его на борт “Ибиса” и в святилище Дити. Утром он похоронил мать, истратив последние гроши на муллу, чтобы тот помолился над свежим холмиком. Деревенька Наскарпара расположилась в пятнадцати милях от Калькутты, уместившись на безликом пятач-

ке по краю болотистого мангрового леса Сундарбанс. Горстка хижин окружала гробницу суфийского факира, который пару поколений назад обратил жителей в ислам. Если б не могила, деревня давно бы растворилась в болоте, поскольку ее жители не привыкли долго сидеть на одном месте и зарабатывали на жизнь трудом лодочников, паромщиков и рыбаков. Люди скромные, они не помышляли о службе на океанском корабле, но из тех немногих, кто мечтал о матросском жалованье, более всех к нему стремился Джоду. Он бы давно ушел из деревни, если б не хворающая мать, которую было нельзя оставить без пригляда. Пока она болела, Джоду за ней ухаживал, переполняясь то раздражением, то нежностью, и сделал все возможное, чтобы скрасить ее последние дни. Теперь оставалось выполнить ее последний наказ, после чего он сможет отыскать боцманов, вербующих ласкаров на морские корабли.

Сын лодочника, Джоду полагал, что уже стал взрослым, поскольку на его подбородке вдруг начала пробиваться густая щетина, требовавшая еженедельных визитов к цирюльнику. Однако бурные физиологические перемены появились недавно, и он к ним еще не привык; казалось, его тело подобно дымящемуся кратеру, который только-только возник из океана, но еще не готов извергнуться. Как память о несчастном случае в детстве, его левую бровь пересекал шрам, столь широкий, что издали казалось, будто у него три брови. Это уродство (если слово подходит) было его отличительной чер-

той, которая через много лет отразится в наброске, что займет свое место в святилище Дити: три нежных угловатых штриха в овале.

Старая лодка, доставшаяся в наследство от отца, выглядела неуклюже – выдолбленные стволы, связанные пеньковыми канатами. Сразу после похорон Джоду забросил в нее свои небогатые пожитки и был готов к отбытию в Калькутту. Подгоняемая течением, вскоре лодка оказалась у входа в канал, который вел к городским причалам; за право воспользоваться этой узкой артерией, недавно прокопанной предприимчивым английским инженером и известной под именем “канал Толли”, Джоду отдал смотрителю последние монетки. Как всегда, здесь было полно судов, и часа два он продирался сквозь город, минуя храм Кали и мрачные стены тюрьмы Алипор. На шири Хугли было не менеелюдно, и Джоду вдруг очутился в скопище разнообразных судов: битком набитых сампанов и шустрых каноэ, громадин бригаنتين и крохотных баулий, юрких яликов и неповоротливых шаланд, яхт с ухарскими треугольными парусами и многопалубных катамаранов. В этакое столпотворении были неизбежны случайные столкновения, после которых боцманы и штурвалные сыпали ругательствами, один взбешенный вахтенный плеснул помоями, а похабник-рулевой сделал непристойный жест. Подражая морским командирам, в ответ Джоду орал: “Куда прешь? Осади!” – чем весьма удивлял ласкаров.

После годичной изоляции в деревне душа его пела под мелодию портовых голосов, изрыгающих хулу, угрозы и страшные пожелания, а руки тосковали по канатам, когда он видел матросов, карабкающихся по вантам. Взгляд его скользил по берегу от пакгаузов Киддерпора до извилистых проулков Ватгунга, где на крыльцах сидели женщины и, готовясь к вечеру, наводили красоту. Что-то скажут они теперь, если прежде смеялись и гнали юнца прочь?

За верфями Кида лодок стало меньше, и Джоду без труда причалил к набережной. Прямо напротив раскинулся Королевский Ботанический сад, персонал которого часто пользовался этой пристанью. Никакого сомнения, что рано или поздно здесь появится кто-нибудь из знакомых; и верно – часу не прошло, как подчалила лодка с молодым англичанином, помощником управляющего. Джоду хорошо знал рулевого в набедренной повязке и, когда саиб ступил на причал, подгреб к знакомцу.

Матрос тотчас его узнал:

– Джоду Наскар? Ты, что ли?

– Он самый. Салам, *халиджи*²⁶.

– Где тебя носило? Что матушка? Уж больше года, как ты сгинул. Народ гадал, куда ты подевался...

– Мы вернулись в деревню. Когда наш господин умер, мать не захотела остаться.

²⁶ Халиджи – здесь: обращение к мусульманам, название древнего тюркского народа; в конце XIII века часть халиджи переселилась в Индию.

– Да, я слышал. Говорят, она хворает?

– Вчера померла, халиджи, – тихо ответил Джоду.

Рулевой закрыл глаза и прошептал:

– *Аллах рахем*, упокой Господь ее душу.

– *Бисмилла*... – поддержал молитву Джоду. – Я здесь по

воле матери, перед смертью она просила разыскать дочь нашего саиба, мисс Полетт Ламбер.

– Ну да, она же любила девочку как родную дочь, ни одна служанка так с чадом не нянчится.

– Ты знаешь, где сейчас мисс Полетт? Я больше года ее не видел.

Рулевой кивнул:

– Она живет неподалеку – вон там, вниз по реке. После смерти отца ее приютила богатая английская семья. Ступай в Гарден-Рич и спроси дом Бернэм-саиба. Там в саду беседка с зеленой крышей, тотчас узнаешь.

Джоду обрадовался, что так легко все выяснил. Поблагодарив рулевого, он выдернул из ила весло и сделал мощный гребок. Отдаляясь, он слышал голос знакомца, который возбужденно кому-то говорил:

– Видишь ту лодку? Прямо в ней родилась мисс Полетт Ламбер, дочь французского саиба...

В разном изложении Джоду так часто слышал эту историю, что как будто все видел собственными глазами. Видно, так на роду написано, говорила мать, поминая странный поворот судьбы: не отправься она рожать в свою деревню, По-

летт никогда не появилась бы в их жизни.

Все произошло сразу после рождения Джоду. Отец приплыл на лодке, чтобы забрать жену и ребенка. Они были уже почти на середине Хугли, когда поднялся шквалистый ветер. Смеркалось, и отец решил, что лучше не переправляться через реку, а пристать обратно к берегу и дожидаться утра. Удобнее места для стоянки, чем каменная набережная Ботанического сада, было не найти. Семейство поужидало и устроилось переждать ночь.

Только они задремали, как их разбудили громкие голоса. Отец зажег фонарь, высветивший лицо белого саиба, который сунулся под лодочный навес и что-то бессвязно лопотал. Было ясно, что он чем-то ужасно встревожен; вмешавшийся слуга все разъяснил: дело крайне срочное – у беременной жены господина начались схватки, нужен белый доктор, однако на этой стороне реки его не нашли, требуется переправить роженицу на другой берег.

Отец отказался – дескать, лодка маленькая, ночь безлунная, а река разбуянилась. Будет лучше, если господин раздобудет баркас или многовесельную шлюпку с гребцами, наверняка в Ботаническом саду что-нибудь найдется.

Так-то оно так, был ответ, сад располагает собственной маленькой флотилией, однако нынче, как назло, нет ни одной лодки – управляющий распорядился доставить своих друзей на ежегодный бал Калькуттской биржи. Их лодка – единственное судно на причале, и если они откажут, погиб-

нут две жизни – мать и дитя.

Мать Джоду, которая сама только что перенесла родовые муки, прониклась страданием беременной женщины и добавила свой голос к мольбам господина, уговаривая мужа взяться за дело. Но отец все мотал головой и сдался лишь после того, как в его руке оказалась серебряная монета, стоимость которой превышала цену лодки. Сей неотразимый довод способствовал заключению сделки, и француженку перенесли на борт.

Хватило и взгляда, чтобы понять, как мучается несчастная женщина; лодка тотчас отвалила от набережной. Несмотря на ветер и тьму, ориентироваться было легко по огням Калькуттской биржи, нынче особенно щедро иллюминированной по случаю бала. Однако ветер крепчал, река бурлила, и лодку так швыряло, что плод не удержался. В качке женщине становилось все хуже, а потом вдруг у нее отошли воды и начались преждевременные роды.

Отец сразу повернул назад, но берег уже остался далеко. Саиб изо всех сил пытался успокоить жену, однако толку от него было мало, и роды приняла мать Джоду: перекусила пуповину и обтерла смазку с тельца новорожденной. Оставив собственного ребенка на днище лодки голеньким, она завернула девочку в одеяльце и подала умирающей женщине. Лицо дочери было последним, что узрела француженка; она истекла кровью и умерла, прежде чем лодка достигла Ботанического сада.

Обезумевший от горя саиб не мог совладать с плачущим младенцем; девочка утихла, лишь когда мать Джоду дала ей грудь. После этого господин сделал новое предложение: не сможет ли семья лодочника задержаться у него, пока он не найдет няньку или кормилицу?

Разве можно было отказать? По правде, матушка уже не смогла бы расстаться с девочкой, ибо прикипела к ней душой с того мгновенья, как поднесла ее к груди. Отныне у нее стало двое детей – сынок и доченька, которую она ласково называла Путли, то бишь Куколка. Полетт, выросшая в смешении языков, звала ее Тантима – тетя-мама.

Вот так мать Джоду оказалась в услужении у Пьера Ламбера, который совсем недавно прибыл в Калькутту на должность помощника управляющего Ботаническим садом. Предполагалось, что мать останется в доме, пока ей не подыщут замену, но как-то никого не нашлось. Само собой вышло, что матушка стала кормилицей Полетт и баюкала на руках двух младенцев. Возражения со стороны отца увяли, как только француз купил ему новую, превосходную баулию; вскоре папаша отбыл в Наскарпара, оставив в городе жену и сына, но прихватив с собой новенькую лодку. С тех пор он показывался очень редко – как правило, в начале месяца, когда матушка получала жалованье. На ее деньги он еще раз женился и наплодил кучу детей. С братьями-сестрами Джоду встречался два раза в год, когда неохотно приезжал на праздники Рамадан-байрам и Курбан-байрам. Деревня была ему

чужой, а домом стало бунгало в усадьбе Ламбера, где он правил как наперсник и шутейный супруг маленькой хозяйки.

Что же до Полетт, то сначала она заговорила на бенгали, а первым после кашек блюдом стал рис с чечевицей, состряпанный тетей-мамой. Фартуку она предпочитала сари и терпеть не могла обуви, желая бегать по саду босоногой, как Джоду, с которым в раннем детстве была неразлучна и без которого отказывалась есть и спать. Из всех детей прислуги только ему был открыт доступ в хозяйский дом. С малых лет Джоду понял, что все это благодаря особым отношениям мамы с хозяином, которые заставляли их допоздна засиживаться вдвоем. Однако дети не обращали на это внимания и принимали как один из многочисленных фактов необычного домашнего уклада, ибо не только Джоду с матерью, но еще в большей степени Полетт с отцом выпали из своего круга. Белые почти никогда не заглядывали в бунгало матери с сыном, а Ламберы сторонились круговерти английского общества в Калькутте. На другой берег француз ездил только “по делам”, а все остальное время посвящал своим растениям и книгам.

Более приземленный, чем его подружка, Джоду заметил отчужденность хозяина и его дочери от других белых саибов и вначале объяснял это тем, что они родом из страны, которая часто воевала с Англией. Однако потом, когда их общие с Путли секреты стали существеннее, он узнал, что не только это разделяло Ламберов и англичан. Выяснилось, что Пьер

Ламбер оставил родину, ибо в юности участвовал в бунте против короля, а респектабельное английское общество сторонилось его, потому что он публично отрицал существование Бога и святость супружеских уз. Джоду не придавал этому ни малейшего значения и только радовался, что подобные обстоятельства ограждают их дом от других белых саибов.

Дети подрастали, но не это и не разница в происхождении, а нечто совсем неуловимое подточило их дружбу. В какой-то момент Полетт пристрастилась к чтению, и ни на что другое у нее не оставалось времени. Джоду, наоборот, утратил интерес к буквам, едва научился их распознавать – его тянуло к воде. В десять лет он уже так лихо управлялся со старой отцовской лодкой, колыбелью новорожденной Полетт, что не только служил Ламберам перевозчиком, но и сопровождал их в экспедициях за образчиками растений.

Пусть необычный, но уютный уклад их дома выглядел таким удобным и прочным, что все они оказались не готовы к невзгодам, последовавшим за внезапной смертью Пьера Ламбера. Лихорадка уморила его, прежде чем он успел привести в порядок дела; вскоре после его кончины выяснилось, что его исследования, требовавшие денег, накопили существенные долги, а загадочные поездки “по делям” означали тайные визиты к городским ростовщикам. Вот тогда-то Джоду с матерью заплатили за свою особую близость к помощнику управляющего. Неприязнь и зависть других слуг тотчас перекипели в злое обвинение: парочка обворовала умираю-

щего хозяина. Бешеная враждебность заставила мать с сыном бежать из дома. Не имея выбора, они вернулись в Наскарпара, где их нехотя приютила новая семья отца. Однако после долгих лет комфортабельной жизни мать уже не могла приспособиться к деревенским лишениям. Здоровье ее неуклонно ухудшалось, она так и не оправилась.

В деревне Джоду провел четырнадцать месяцев и за все это время ни разу не видел Полетт, не получил от нее ни весточки. На смертном одре мать часто вспоминала свою подопечную и умоляла сына хотя бы разок повидаться с Путли, чтобы та узнала, как сильно тосковала по ней старая нянька на закате своей жизни. Джоду давно уже смирился с тем, что он и его бывшая подруга разойдутся каждый по своим мирам; если б не просьба матери, он бы не стал искать Полетт. Однако теперь, когда Путли была так близко, его охватило волнение: захочет ли она увидеться или вышлет слугу с отказом? Вот если б встретиться наедине, ведь так много накопилось, о чем поговорить. Впереди замаячила зеленая крыша беседки, и Джоду шибче заработал веслом.

Вопреки безрадостной цели поездки, на душе у Дити было удивительно легко; она словно чувствовала, что в последний раз едет этой дорогой, и хотела от путешествия взять сполна.

Медленно пробившись сквозь сумятицу проулков и базаров в центре города, повозка свернула к реке, где толчея стала меньше, а окрестности привлекательнее. Редко наезжавшие в город мать с дочерью зачарованно смотрели на стены Чехел-Сотуна – копии дворца сорока колонн в Исфохане, возведенной аристократом персидских кровей. Немного погодя миновали еще большее чудо с желобчатыми колоннами и высоким куполом в греческом духе – мавзолей лорда Корнуоллиса, снискавшего известность под Йорктауном и тридцать три года назад почившего в Гхазипуре; с громяющей повозки Дити показала дочери статую английского губернатора. Вдруг тележка съехала на тряскую обочину, Калуа прищелкнул языком, осаживая быков. Дити с Кабутри обернулись посмотреть, что там впереди, и улыбки сползли с их лиц.

Дорогу занимала толпа человек в сто, а может, больше; под конвоем вооруженных палками охранников она устало плелась к реке. На головах и плечах людей покачивались узлы с пожитками, на сгибах локтей болтались медные котелки. Дорожная пыль на дхоти и блузах говорила о том, что

путники идут уже давно. У зевак их вид вызывал жалость и страх, одни сочувственно цокали языком, но другие, ребята и старухи, швыряли в толпу камнями, будто стремясь отогнать нездоровый дух. Несмотря на изможденность, путники вели себя на удивление непокорно, если не сказать дерзко – кое-кто отвечал зевакам теми же булыжниками, и такая бравада тревожила публику не менее затрапезной наружности.

– Кто это, мам? – прошептала Кабутри.

– Не знаю. Может, узники?

– Нет, – вмешался Калуа, показав на женщин и детей, мелькавших в толпе.

Они еще гадали, кто эти люди, когда один конвоир оставил повозку; начальник конвоя *дурффадар*²⁷ Рамсаран-джи ушиб ногу, сказал он, надо подвезти его к причалу. Дити с Кабутри тотчас подвинулись, освобождая место для высокого толстопузого человека в безупречно белой одежде и кожаных башмаках. Тяжелая трость и огромная чалма добавляли ему импозантности.

Возчик и пассажиры сильно оробели, но Рамсаран-джи нарушил молчание, обратившись к Калуа:

– *Кахваа се авела?* Откуда вы?

– *Паросе ка гао се ават бани.* Из окрестной деревни, господин.

Узнав родной бходжпури, Дити с Кабутри придвинулись

²⁷ Дурффадар – в индийской колониальной полиции младший офицер индийского происхождения.

ближе, дабы не пропустить ни слова.

Калуа наконец отважился на вопрос:

– Кто эти люди, малик?

– *Гирмиты*, – ответил дуффадар, и Дити негромко охнула.

Слух о гирмитах уже давно ходил в окрестностях Гхазипура; она никогда не видела этих людей, но слышать о них слышала. Им дали это имя по названию бумаги, куда их записывали в обмен на деньги²⁸. Семьи гирмитов получали серебро, а сами они навеки исчезали, словно канув в преисподнюю.

– Куда их ведут? – Калуа перешел на шепот, будто говорил о живых мертвецах.

– Корабль отвезет их в Патну, а затем в Калькутту, – ответил начальник. – Оттуда их переправят в место под названием Маврикий.

Дити уже не могла терпеть и, прикрывшись накидкой, вмешалась в разговор:

– А где этот Маврикий? Рядом с Дели?

– Нет, – снисходительно улыбнулся Рамсаран-джи. – Это морской остров вроде Ланки, только еще дальше.

Имя Ланки пробудило воспоминание о Раване²⁹ с легио-

²⁸ Гирмит – от англ. *agreement*, контракт, который индийцы заключали с британским правительством, чтобы отправиться в другие колонии, нуждавшиеся в рабочей силе.

²⁹ Рагвана – повелитель ракшасов, мифический десятиглавый владыка острова Ланка, персонаж эпоса “Рамаяна”, антагонист главного героя – Рамы. Согласно легенде, Равана десять тысяч лет предавался суровой аскезе и в награду Брахма

нами демонов. Дити вздрогнула. Как же эти люди не грянутся оземь, ведая, что их ждет? Дити представила себя на их месте: каково знать, что ты навеки изгой, никогда уже не войдешь в отчий дом, не обнимешь мать, не разделишь трапезу с братьями и сестрами, не почувствуешь очищающего прикосновения Ганга? Каково знать, что до конца дней будешь влачить жизнь на диком, зачумленном бесами острове?

– Как они туда доберутся? – спросила она.

– В Калькутте их ждет огромный корабль, какого ты в жизни не видела, там уместятся сотни людей...

Хай Рам! Боже ты мой! Так вот оно что! Дити зажала рукой рот, вспомнив видение корабля над водами Ганга. Но зачем призрак возник перед ней, если она никак не связана с этими людьми? Что бы это значило?

Кабутри мгновенно догадалась, о чем думает мать:

– Ты же видела корабль, похожий на птицу, да? Странно, что он явился тебе.

– Молчи! – вскрикнула Дити.

Охваченная страхом, она крепко прижала к себе дочь.

наделил его даром неуязвимости от богов и демонов. Равана узурпировал власть над всеми тремя мирами (небеса, земля и преисподняя). На Ланке он основал царство ракшасов и сверг с небес богов, заставив их прислуживать в его доме, – Агни готовил еду, Варуна приносил воду, Ваю подметал пол. Чтобы избавиться от его тирании, бог Вишну родился на земле в облике смертного Рамы и долго пытался одолеть Равану в битве под Ланкой – отсекал ему головы, но те вновь отрастали. Тогда Рама поразил Равану в сердце “Стрелой Брахмы”.

Вскоре после того как мистер Дафти возвестил о прибытии Бенджамина Бернэма, на палубе послышались грузные шаги. Желтоватые бриджи и темный сюртук судовладельца были покрыты пылью, а сапоги густо заляпаны грязью, но поездка верхом явно его взбодрила, ибо на разгоряченном лице не отмечалось ни малейших следов усталости.

Мужчина внушительного роста и объема, Бенджамин Бернэм носил густую курчавую бороду, прикрывавшую его грудь наподобие сияющей кольчуги. Он вплотную приблизился к пятидесятилетнему рубежу, однако походка его не утратила юношеской упругости, а в зорких глазах сверкала искра, какая бывает у тех, кто никогда не озирается по сторонам, но смотрит только вперед. Его продубленное лицо потемнело – результат многолетних усердных трудов на солнце. Ухватившись за лацканы сюртука, он насмешливо оглядел команду и отозвал в сторонку мистера Дафти. Они коротко переговорили, после чего мистер Бернэм шагнул к Захарию и протянул ему руку:

– Мистер Рейд?

– Так точно, сэр. – Захарий ответил на рукопожатие.

– Дафти говорит, для новичка вы весьма смьшлены.

– Надеюсь, он прав, сэр, – ушел от ответа Захарий.

Судовладелец улыбнулся, сверкнув крупными зубами:

– Как насчет того, чтобы устроить мне экскурсию по моему новому судну?

Бенджамин Бернэм излучал особого рода властность, предполагавшую в нем выходца из богатой привилегированной семьи, но впечатление это было обманчиво. Купеческий сын, он гордился тем, что всего в жизни добился сам. За два дня любезность мистера Дафти весьма обогатила Захария сведениями о Берра-саибе: скажем, несмотря на всю его фамильярность с Азией, Бенджамин Бернэм не был “здешним уроженцем” – “в смысле, он не из тех саибов, кто испустил свой первый крик на Востоке”. Сын ливерпульского торговца древесиной, он и десяти лет не прожил “дома” – “что означает старушку Европу, а не дикую глушь, откуда вы родом, мой мальчик”.

В детстве, рассказывал лоцман, парень был “чистый шайтан” – драчун, баламут и просто раззепай, которому светило всю жизнь скитаться по каторгам да тюрьмам, и чтобы спасти дитяtko от уготованной ему судьбы, родители сплывили его в “морские свинки” (“так в старину индусы называли юнг”), которых каждый гнобил как вздумается.

Но даже строгости Ост-Индской компании не удалось усмирить паренька. “Как-то рулевой заманил его в каптерку, чтоб *удли-будли*³⁰ по-быстрому. Однако юный Бен, даром что шкет, не мандражнул, но схватил кофель-нагель и так отходил педрилу, что тот отдал концы”.

³⁰ На урду грубоватое выражение для полового акта.

Во благо самому Бену его списали с корабля в ближайшем порту, которым оказался Порт-Блэр – британская исправительная колония на Андаманских островах. Служба у тюремного капеллана стала для парня школой наказания и милосердия, в которой он обрел веру и получил образование. “У проповедников рука тяжелая, мой мальчик, они вложат в вас слово Божье, даже если для этого придется вышибить вам все зубы”. Полностью исправившись, Бен отбыл в Атлантику, где какое-то время служил на “обезьяннике”, курсируя между Америкой, Африкой и Англией. В девятнадцать лет он оказался на корабле, на борту которого в Китай плыл известный протестантский миссионер. Случайное знакомство с преподобным переросло в крепкую долгую дружбу.

“Вот так оно там устроено, – рассказывал лоцман. – Друзья познаются в Кантоне³¹. Китайцы держат бесовских чужеземцев в факториях за городскими стенами. Ни один чужак не смеет покинуть отведенную полосу земли и пройти через городские ворота. Некуда прогуляться или съездить. Даже чтоб сплавать на лодчонке, надо получить официальное разрешение. Никаких женщин – только сиди и слушай, как менялы подсчитывают монеты. Одиноко, словно мяснику в постный день. Некоторые не выдерживали, их отправляли домой. Кто-то ходил на Свинюшник, чтобы снять баядерку или надраться сивухи. Но не таков Бен Бернэм – когда не торговал опиумом, он шел к миссионерам. И чаще всего в аме-

³¹ Современное название – Гуанчжоу.

риканскую факторию, набожные янки были ему больше по вкусу, нежели коллеги из компании”.

Преподобный замолвил словечко, и Бенджамин устроился клерком в торговую фирму “Магниак и компания”, предшественницу “Джардин и Матесон”; отныне Бернэм, как всякий иностранец, торгующий в Китае, делил свое время между двумя полюсами в дельте Жемчужной реки – Кантоном и Макао, отстоящими друг от друга на восемьдесят миль. В Кантоне купцы торговали зимой, а все прочие месяцы жили в Макао, где компания располагала широкой сетью пакгаузов и фабрик.

“Бен Бернэм торчал в порту на разгрузке опиия, но он не из тех, кто удовольствуется месячным жалованьем в чужой ведомости, парень мечтал стать полноправным набобом, у которого персональное место на калькуттском опиийном аукционе”. Как многим чужеземным купцам, ему помогли церковные связи, поскольку миссионеры имели тесный контакт с торговцами опием. В 1817 году Ост-Индская компания выдала Бернэму документ свободного предпринимателя, и ему тотчас улыбнулась удача в виде группы новообращенных китайцев, которых надлежало сопроводить в колледж баптистской миссии в Серампоре. “А кто лучше Бернэма справится с задачей? Глядь-поглядь, а он уже ищет место под контору в Калькутте и, что интересно, находит. Шельма Роджер дает ему ключи от дома на Стрэнде!”

Бернэм перебрался в Калькутту, с тем чтобы участвовать в

опийных аукционах Ост-Индской компании, однако первый финансовый успех ему принесла иная торговля, в которой он поднаторел еще в юности. “Как говаривали в старые добрые времена, из Калькутты вывозят только отраву и душегубов – опий и кули, если угодно”.

Первой удачей Бернэма стал контракт на перевозку каторжников. В то время Калькутта была главным перевалочным пунктом, из которого индийских узников отправляли в островные тюрьмы – Пенанг, Бенкулен, Порт-Блэр и Маврикий. Мутные воды Хугли уносили в Индийский океан тысячи воров, убийц, грабителей, мятежников, охотников за головами и всяческой шпаны. Их рассеивали по острогам, куда британцы упекали своих недругов.

Набрать команду было непросто, поскольку мало кто желал поступить на судно, перевозящее головорезов. “Бернэм взялся за дело с того, что вызвал приятеля по «обезьяньим рейсам» Чарльза Чиллингуорта – капитана, слывшего лучшим надсмотрщиком, ибо еще ни одному рабу или каторжнику не удалось сбежать из-под его опеки”. В струе перевозок, хлеставшей из Калькутты, Бен с помощью друга намыл себе состояние и вошел в китайскую торговлю на том уровне, о котором даже не помышлял, – вскоре он обзавелся собственной приличной флотилией. К тридцати годам он вместе с двумя братьями создал фирму, ставшую ведущим торговым домом с представительствами в таких городах, как Бомбей, Сингапур, Аден, Кантон, Макао, Лондон и Бостон.

“Вот вам чудеса колоний. Юнга, лавший в клюзы³², превращается в высокородного саиба, как дважды рожденный³³. В Калькутте перед ним открыта любая дверь. Обеды у губернатора. Завтраки в форте Уильям. Ни одна роскошная дамочка не посмеет отказать ему в визите. Он отдает предпочтение Низкой церкви³⁴, но, будьте уверены, епископ всегда ему рад. Наконец, в жены он берет благороднейшую мисс Кэтрин Брэдшоу, генеральскую дочь”.

* * *

Натура Бена Бернэма, сделавшая его набобом, полностью проявилась в осмотре шхуны, которую он облазил от форштевня до кормы и от кильсона до утлегаря, подмечая все, достойное похвалы или упрека.

– Какова милашка на ходу, мистер Рейд?

– Великолепна, сэ. Плавна как лебедь и шустра как акула, – ответил Захарий.

Мистер Бернэм улыбкой оценил его восторг:

– Добро.

После внимательного осмотра шхуны судовладелец выслушал доклад о полном тягот походе из Балтимора, переби-

³² Клюзы – окошки в борту для якорной цепи и канатов.

³³ Дважды рожденный – представитель одной из трех высших индийских каст, в которых мальчики проходят обряд, символизирующий духовное рождение.

³⁴ Евангелическое движение в англиканской церкви.

вая его въедливыми вопросами, и пролистал вахтенный журнал. Закончив перекрестный допрос, он объявил, что вполне доволен, и хлопнул Захария по спине:

– Молодец! Учитывая все обстоятельства, вы отлично справились.

Однако хозяина беспокоила команда ласкаров и ее вожак:

– С чего вы решили, что этот прохляла заслуживает доверия?

– Прохляла, сэр? – нахмурился Захарий.

– Так здесь называют араканцев³⁵, – пояснил Бернэм. – От одного этого слова местные туземцы приходят в ужас. Говорят, нет хуже пиратов, чем банда прохлял.

– Серанг Али – пират? – Захарий улыбнулся, вспомнив свое первое впечатление о боцмане, теперь казавшееся нелепым. – Да, сэр, этот человек немного смахивает на дикаря, но он такой же пират, как я. Если б Али намеревался угнать “Ибис”, он бы это сделал задолго до того, как мы бросили якорь. Я бы не смог ему помешать.

Бернэм вперился в Захария:

– Стало быть, вы за него ручаетесь?

– Да, сэр.

– Что ж, ладно. Однако на вашем месте я бы за ним приглядывал.

Мистер Бернэм отложил журнал и занялся корреспонденцией, накопившейся за время плавания. После того как За-

³⁵ Араканцы – одна из народностей, проживающая на территории Бирмы.

Захарий передал прощальные слова мсье д'Эпинея о гниющем тростнике и отчаянной нехватке кули, письмо маврикийского плантатора вызвало его особый интерес.

– Как вы насчет того, чтобы вскоре опять сгонять на Маврикий? – почесывая бороду, спросил мистер Бернэм.

– Опять, сэр?

Захарий рассчитывал, что на переоснастку “Ибиса” уйдет пара месяцев, которые он проведет на берегу, и внезапная перемена планов застала его врасплох.

Видя его замешательство, судовладелец пояснил:

– В первом рейсе опия не будет. Китайцы баламутят, и пока они не поймут всю выгоду свободной торговли, я не пошлю груз в Кантон. До тех пор судно будет занято привычным для себя делом.

– То есть опять станет невольничьим кораблем? – перепугался Захарий. – Разве английские законы не запрещают работорговлю?

– Запрещают, – кивнул мистер Бернэм. – Еще как запрещают, Рейд. Печально, но еще много тех, кто ни перед чем не остановится, дабы помешать движению человечества к свободе.

– К свободе, сэр? – Захарий подумал, что ослышался.

Мистер Бернэм тотчас развеял его сомнения:

– Да, именно так, к свободе. А как иначе можно назвать господство белого человека над низшими расами? На мой взгляд, с тех пор как Господь вывел из Египта сынов изра-

илевых, следующим величайшим шагом к свободе стала работорговля. Ведь так называемый раб в Каролине свободнее африканских братьев, стонущих под игом черного тирана, правда?

Захарий подергал себя за мочку:

– Что ж, сэр, если рабство – это свобода, то я рад, что мне не довелось ее вкусить. Кнуты и оковы не по мне.

– Бросьте, Рейд! – хмыкнул мистер Бернэм. – Поход к сияющему на холме городу не бывает без муки. Ведь израильтяне тоже страдали в пустыне, а?

Не желая ввязываться в спор с новым хозяином, Захарий проямлил:

– Да, пожалуй...

Однако мистер Бернэм этим не удовольствовался и ода-рил собеседника насмешливой улыбкой:

– Я думал, вы и впрямь смышлены, Рейд. Однако ведете себя как паршивый реформатор.

– Вот как? Я не хотел...

– Надеюсь. По счастью, сия зараза еще не коснулась ваших краев. Я всегда говорил: Америка – последний бастион свободы, там рабству пока ничто не угрожает. Где бы еще я нашел судно, так идеально приспособленное для своего груза?

– Вы имеете в виду рабов, сэр?

– Да нет, – поморщился мистер Бернэм. – Не рабов – кули. Слыхали поговорку “Если Господь затворяет одну дверь, Он распахивает другую”? Когда для африканцев путь к свободе

закрылся, Бог отворил его для племени, которое наиболее в том нуждалось, – для азиатов.

Захарий пожевал губами: ни к чему выведывать хозяйские планы, лучше сосредоточиться на деловых вопросах.

– Думаю, вы захотите подновить трюм?

– Верно. То, что предназначалось для рабов, вполне сгодится для кули и осужденных. Надо устроить пару отхожих мест, чтобы черные не обгадились выше головы. Проверяющие останутся довольны.

– Есть, сэр.

Бернэм запустил пальцы в бороду:

– Полагаю, мистер Чиллингуорт одобрит корабль.

– Новый капитан, сэр?

– Вы о нем слышали? – Мистер Бернэм опечалился. – Это его последний рейс, и я хочу доставить ему радость. Старые хвори дают о себе знать, капитан не в лучшей форме. Первым помощником будет мистер Кроул – превосходный моряк, но слегка несдержан. Вторым помощником хотелось бы взять разумного парня. Что скажете, Рейд? Готовы послушать?

Предложение так отвечало надеждам Захария, что сердце его екнуло.

– Вы сказали, вторым помощником, сэр?

– Ну да, – кивнул Бернэм и, словно утрясая вопрос, добавил: – Рейс пустячный – после муссонов поднять паруса и через шесть недель вернуться. На борту будет мой субедар

с кучей надсмотрщиков и караульных. Человек он опытный, знает, как приструнить душегубов, чтобы не пикнули. Если все пройдет гладко, как раз поспеете к нашей китайской пирушке.

– Простите, сэр?

Мистер Бернэм обнял Захария за плечи:

– Говорю по секрету, так что не проболтайтесь. Поговаривают, Лондон снаряжает экспедицию, чтобы взяться за Поднебесную. “Ибис” должен участвовать... вместе с вами. Что скажете? Справитесь?

– Можете на меня рассчитывать, сэр, – пылко ответил Захарий. – В серьезном деле я не подведу.

– Молодчина! – Мистер Бернэм потрепал Захария по спине. – А что “Ибис”? В стычке пригодится? Сколько у него пушек?

– Шесть девятифунтовых. Можно установить одну тяжелую на вертлюге.

– Превосходно! Вы мне нравитесь, Рейд. Попомните: для смышленного парня я всегда найду дело. Если хорошо себя проявите, скоро сами будете капитаном.

* * *

Нил лежал навзничь, разглядывая рябь солнечных зайчиков на отполированном потолке каюты; свет, рассеянный жалюзи, создавал впечатление подводного царства, куда раджу

погрузили вместе с Элокеша. Иллюзию усиливало ее полуобнаженное тело, на котором солнечные пятна переливались и дрожали, будто речные струи.

Он любил эти перерывы в любовных утехах, когда подруга задремывала у него под боком. Даже во сне она казалась замершей в танце, словно ее пластический талант не ведал границ и равно проявлял себя в движении и покое, на сцене и в постели. Как исполнительница она славилась тем, что за ее ритмом не могли угнаться самые искусные барабанщики, и в постели ее импровизации так же изумляли, доставляя несказанное наслаждение. Бесподобная гибкость позволяла ей вытворять невиданные фортели: он ляжет сверху и прикинется к ее устам, она же так обовьет его ногами, что его голова окажется между ее ступней; или такое отчебучит: прогнется дугой, и раджа балансирует на упругом изгибе ее живота. Искусная танцовщица, она сама руководила соитием, отчего раджа лишь смутно чувствовал ритмические фигуры, управлявшие сменой темпа, и миг его извержения был абсолютно непредсказуем, но в то же время безоговорочно предрешен все ускоряющимся взлетом к вершине, где с последним тактом он застывал в неподвижности.

Еще больше раджа любил минуты после любовной баталии, когда в спутанном сари изнемогшая Элокеша замирала, словно только что исполнила головокружительный *тихайи*³⁶. Неудержимый зов плоти никогда не оставлял време-

³⁶ Тихайи – полиритмическая техника в индийской музыке, когда ритмический

ни, чтобы толком раздеться, а потому шесть ярдов его дхоти и девять ярдов ее сари переплетались замысловатее путаницы их конечностей, и только излившись, он мог насладиться колдовскими чарами ее медленно возникающей наготы. Как многие танцовщицы, Элокеши обладала приятным голосом, она мурлыкала изящную *тумри*³⁷, а Нил медленно распутывал ее одежды, постепенно открывая взгляду и губам крепкие лодыжки, на которых позвякивали серебряные браслеты, крутые бедра с литыми мышцами, пушистый холм лобка, нежный изгиб живота и полные груди. Избавившись от последнего лоскутка одежды, они пускались во вторую атаку, медленную и нескончаемо долгую.

Нынче раджа только начал извлекать Элокеши из кокона ее одеяний, как ему помешали: в коридоре второй раз за день некстати возникла перепалка – девичий заслон не пускал Паримала, желавшего сообщить новость.

– Пусть войдет! – досадливо рявкнул Нил.

Он укрыл Элокеши накидкой, однако не озаботился спрятать свою наготу. Камердинер служил у него с тех пор, как он начал ходить, в детстве мыл его и одевал, готовил его, двенадцатилетнего, к первой брачной ночи, наставляя, что следует делать, а потому знал раджу как облупленного.

– Прошу прощенья, господин, – сказал Паримал, войдя в

рисунок мелодии чередуется с паузами.

³⁷ Тумри – особый вид мелодии в индийской музыке, тесно связанный с танцем, слово происходит от глагола *thumakna* (хинди), что означает “шагать, при-танцовывая, так, чтобы звенели колокольчики на щиколотках”.

каюту. — Я подумал, вы должны знать о прибытии Берра-саиба, мистера Бернэма. Сейчас он на шхуне. Офицеры приглашены к обеду, а как быть с ним?

Известие застало врасплох, но после секундного размышления Нил кивнул:

— Ты прав, его тоже надо пригласить. Подай *чогу*.

Паримал снял с крючка халат и помог радже в него облачиться.

— Подожди за дверью, — приказал Нил. — Я напишу другое письмо, которое ты доставишь на корабль.

Камердинер вышел; Элокеши откинула покрывало.

— Что случилось? — спросила она, сонно моргая.

— Ничего. Надо сочинить записку. Ты лежи, я быстро.

Обмакнув перо в чернильницу, раджа начеркал несколько слов, но затем передумал и взял другой лист. Рука его подрагивала, когда он выводил строчку об удовольствии принять мистера Бенджамина Бернэма на борту плавучего дворца. Помешкав, Нил глубоко вздохнул и написал: “Ваш приезд стал счастливым совпадением и непременно порадовал бы моего покойного отца, который, как Вы знаете, очень верил в приметы и знамения...”

* * *

Лет двадцать пять назад, когда фирма “Братья Бернэм” еще пребывала в зародыше, ее основатель пришел к старо-

му радже, чтобы договориться о найме под контору его владения. Нужен офис, но капитала маловато, поведал мистер Бернэм, а потому желательна отсрочка платежа. Пока он излагал свое дело, под его стулом тихонько устроилась белая мышка, которую торговец не заметил, но раджа прекрасно видел. Поскольку мышь числилась в символах Ганеш-такур – покровителя удачи, устраняющего препятствия, – заминдар воспринял визит англичанина как знак божественной воли и не только согласился на год отсрочить платеж, но оговорил условие, которое наделяло его правом инвестировать в неоперившуюся фирму. Тонкий знаток людей, раджа угадал в визитере человека будущего. Чем конкретно хочет заняться англичанин, раджа не уточнял – все-таки заминдар, а не рыночный меняла, что по-турецки расселся за своей конторкой.

За последние полтора века именно такие судьбоносные решения сколотили состояние рода Халдеров. В эпоху династии Моголов они ластились к ее представителям, потом наступило время Ост-Индской компании, и они осторожно приветили новичков; когда британцы ополчились на мусульманских правителей Бенгалии, то Халдеры одной стороне давали деньги, а другой – сипаев, выжидая, чья возьмет. После победы британцев Халдеры кинулись изучать английский столь же рьяно, как прежде овладевали урду и фарси. Когда было выгодно, они охотно принимали английский стиль, но бдительно следили за тем, чтобы он не слишком

глубоко проник в их собственную жизнь. Духовные установки белых купцов, их стремление выгодно урвать шанс Халдеры воспринимали с аристократическим презрением, особенно когда речь шла о Бенджамине Бернэме, выходеце из торговцев. Инвестиции и прибыль от дела англичанина не подрывали их статус, но выяснять происхождение доходов им было негоже. Старый раджа знал мистера Бернэма как судовладельца и большего знать не желал. Ежегодно он передавал англичанину деньги на увеличение грузооборота, а затем получал от него гораздо большие суммы. Эти выплаты заминдар насмешливо именовал данью от “Фагфур Маха-чин” – императора Великого Китая.

Радже необычайно повезло, что англичанин принял его деньги, поскольку британцы владели монополией на опиум, производство и расфасовка которого происходили под надзором Ост-Индской компании, а к торговле и прибыли имели доступ еще лишь группки индусов-парсов, местных уроженцев. Когда народ прознал, что расхальские Халдеры вошли в партнерство с английским купцом, объявилась уйма друзей, родственников и кредиторов, умолявших, чтобы их взяли в долю. Уговоры и лесть склонили старого заминдара к тому, чтобы добавить деньги просителей к ежегодным выплатам мистеру Бернэму, за что раджа получал десятипроцентный бакшиш – сумму не обременительную, учитывая размер прибыли. Инвесторы знать не знали об опасностях и риске, грозивших тем, кто обеспечивал их капиталом. Шел

год за годом, английские и американские торговцы все ловчее обходили китайские законы, а раджа со товарищи славно окупали свои вложения.

Однако шальные капиталы могут не только обогатить, но и прикончить, как в случае Халдеров, для которых денежный поток стал скорее проклятьем, нежели благодатью. Их род был опытен в манипулировании правителями и судами, крестьянами и приживалами; он обладал несметными землями и собственностью, но редко имел дело с наличными и, брезгуя заниматься презренным металлом, передоверял их легиону посредников, приказчиков и бедных родственников. Когда сундуки старого раджи стали лопаться от денег, он попытался обратить серебро в недвижимость, как он ее понимал: земли, дома, слоны, лошади, кареты и, разумеется, плавающий дворец, роскошнее всех других судов. Однако новая собственность породила безумное число нахлебников, которых надо было кормить и содержать; большинство новых земель оказались неудобьями, а новые дома скоро стали еще одной прорвой, ибо владелец не удосужился сдать их внаем. Проведав о новом источнике богатства, любовницы раджи (коих он имел ровно по числу дней в неделе, дабы каждую ночь проводить в другой постели) совершенно остервенели, наперебой выклянчивая украшения, дома и места для родственников. Старый заминдар, души не чаявший в своих наложницах, почти всегда уступал их прихотям, и в результате все серебро, которое ему заработал мистер Бернэм, прями-

ком уплыло к кредиторам. Собственные капиталы иссякли, старикан все больше увязал в кабале комиссионных от тех, кто сделал его своим посредником, и был вынужден расширять круг инвесторов, подписывая бесчисленные векселя, на базаре прозванные “давалками”.

Согласно родовому обычаю, наследник титула не участвовал в семейных финансовых операциях, и оттого послушный Нил, увлекавшийся науками, не задавал вопросов об управлении хозяйством. Лишь в последние дни своей жизни старый заминдар поведал ему, что финансовое благополучие их семьи полностью зависит от сделок с мистером Бенджамином Бернэмом: чем больше вложишь, тем лучше, ибо затем получишь вдвое. Чтобы хорошенько наварить, раджа известил англичанина, что нынче собирается вложить в его дело одну тысячу серебряных рупий. Понимая, что такую сумму сразу не собрать, мистер Бернэм любезно предложил погасить часть взноса своими капиталами; подразумевалось, что Халдеры вернут эти деньги, если вдруг доходы от летней продажи опия не покроют долг. Но беспокоиться не о чем, сказал раджа, за двадцать лет еще не было случая, чтобы вклад не окупился большим прибытком. Деньги Бернэма – не долг, а любезность.

Через пару дней раджа скончался, и все как-то изменилось. В том 1837 году фирма “Братья Бернэм” впервые не сумела обеспечить клиентов прибылью. Раньше по окончании торгового сезона, когда корабли возвращались из Китая,

мистер Бернэм лично наносил визит в калькуттскую резиденцию Халдеров. Стало обычаем, что англичанин привозит милые подарки (кокосы, шафран), а также счета и серебряные слитки. Однако в год семейного воцарения Нила не было ни визита, ни подношений, а только письмо с уведомлением, что китайская торговля сильно пострадала из-за внезапного обрушения цен на американской бирже; не говоря об убытках, фирма “Братья Бернэм” испытывала серьезные затруднения в переводе денег из Англии в Индию. В конце письма содержалась вежливая просьба погасить долг.

К тому времени Нил уже подписал рыночным торговцам кучу “давалок” – отцовы клерки подготовили бумаги и показали, где ставить подпись. Извещение мистера Бернэма пришло в тот момент, когда особняк Халдера осаждала армия кредиторов помельче – зажиточных купцов, которых без зазрения совести можно было повольтанить, а также многочисленных родственников и всякой мелкой сошки, которым отказать было нельзя, поскольку эти жалкие доверчивые приживалы отдали заминдару последние крохи. Пытаясь вернуть им деньги, Нил обнаружил, что наличности для покрытия расходов имения осталось на неделю-другую. Ситуация вынудила его поступиться гордостью и отправить мистеру Бернэму письмо, в котором он просил не только об отсрочке долга, но и о ссуде, дабы удержаться на плаву до следующего торгового сезона.

Ответ потряс своей категоричностью. Неужели в таком

тоне мистер Бернэм разговаривал и с отцом? – думал Нил. Вряд ли, ибо старый раджа всегда ладил с англичанами, хотя плохо знал их язык и совершенно не интересовался их литературой. Будто в восполнение собственных пробелов, он нанял сыну учителя-англичанина. Мистер Бисли имел много общего с учеником, в котором пробудил интерес к литературе и философии. Однако выучка молодого Халдера ничуть не сблизила его с калькуттским английским обществом, но возымела совершенно противоположный эффект. Чувствительность мистера Бисли была не типична среди английских колонистов, которые к утонченному вкусу относились с подозрением и даже насмешкой, особенно если замечали его в туземном господине. Короче говоря, ни характером, ни образованностью Нил не подходил компании таких людей, как мистер Бернэм, у которых он вызывал неприязнь, граничащую с презрением.

Все это раджа хорошо знал, однако письмо судовладельца его поразило. В нем говорилось, что фирма не в состоянии отсрочить долг, поскольку терпит громадные убытки из-за нынешней неопределенности в торговле с Китаем. Задолженность, уже значительно превысившую стоимость имения Халдера, следует немедленно погасить и в счет частичного списания долга передать фирме все землевладения.

Оттягивая время, Нил решил навеститься в поместье, чтобы сын хоть краем глаза увидел свое пребывавшее под угрозой наследство. Рани Малати тоже хотела поехать, но под

предлогом ее хрупкого здоровья раджа оставил супругу дома и взял Элокешу, надеясь, что та поможет ему отвлечься. И верно, танцовщица сумела на время избавить его от тревожных мыслей, но сейчас, перед личной встречей с Бернэмом, беспокойство вновь затопило раджу.

Запечатанное письмо он отдал Парималу.

– Поскорее доставь на шхуну и удостоверься, что Бернэм-саиб его получил, – приказал раджа.

Элокеша села в кровати, прикрывшись накидкой.

– Иди сюда, – позвала она. – Время еще есть.

– *Асчи*³⁸.

Однако ноги повели его не к постели, а в коридор. Придерживая на груди развевающуюся красную чогу, Нил прошел к трапу и поднялся на верхнюю палубу, где сын все еще запускал змеев.

– Ну где ты ходишь, папа? – крикнул мальчик. – Я тебя жду-жду...

Нил подхватил и прижал сына к груди. Непривычный к проявлению ласки, мальчик вырывался:

– Пусти! Чего ты?

Вглядевшись в папино лицо, он восторженно крикнул слугам:

– Гляньте! Вы только посмотрите! Расхальский раджа плачет!

³⁸ Иду (*бенгали*).

Было уже далеко за полдень, когда впереди замаячила цель поездки – опи́йная фабрика, ласково прозванная ее старожилами Рукодельницей. Эта громадина занимала территорию в сорок пять акров, где разместились бесчисленные дворы, водяные баки и крытые жестью строения. Как все средневековые крепости, смотревшие на Ганг, фабрика имела свободный доступ к реке, но стояла на возвышенности, что оберегало ее от весенних половодий. В отличие от опустелых, заросших сорняками фортов, таких как Чунар и Буксар, Рукодельница ничуть не напоминала живописные руины: в башнях засели наряды часовых, вдоль парапетов расположились вооруженные караульные.

Бразды правления фабрикой находились в руках старшего чиновника Ост-Индской компании, который надзирал за персоналом из сотен индийских рабочих; английский контингент состоял из надсмотрщиков, счетоводов, кладовщиков, фармацевтов и помощников двух рангов. Управляющий жил на территории фабрики, в просторном бунгало, окруженном цветистым садом, в котором произрастали всевозможные сорта декоративных маков. Рядом стояла церковь, колокольным звоном отмечавшая исход дня. По воскресеньям пушечный выстрел призывал верующих на службу. Жалованье орудийному расчету собиралось по подписке среди

паствы, пропитанной англиканским благочестием и не скупившейся на подобные расходы.

Однако в бесспорно огромной и бдительно охраняемой Рукодельнице посторонний наблюдатель никогда не признал бы один из наиболее драгоценных камней английской короны. Наоборот, она показалась бы ему окутанной летаргическими испарениями. Вот, например, обезьяны, которых разглядывали Дити с Кабутри, проезжая мимо фабричных стен, – в отличие от сородичей, эти макаки не верещали, не дрались, не пытались что-либо стянуть у прохожих. С деревьев они слезали только затем, чтобы поплакать из открытых фабричных стоков, и, утолив жажду, вновь возвращались на ветки, откуда равнодушно созерцали воды Ганга.

Повозка медленно катила мимо шестнадцати огромных пакгаузов, где хранился готовый опиум. Не зря запоры тут были крепки, а караульные востроглазы – говорили, что содержимое этих складов стоит миллионы фунтов стерлингов, на которые запросто купишь добрую часть Лондона.

С приближением к главному фабричному корпусу Дити с Кабутри расчихались, а вскоре захлюпали и Калуа с быками: повозка подъехала к сараям, куда крестьяне сваливали “маковый мусор” – листья, стебли и корни, затем используемые для упаковки. Груды отходов источали мелкую пыль, висевшую в воздухе, точно завеса из нюхательного табака. Редко кто мог пройти сквозь это марево без того, чтобы вусмерть не расчихаться, но, что удивительно, кули, уминавшие му-

сор, и юные английские надсмотрщики были невосприимчивы к едкой пыли.

Отфыркиваясь, быки протащили повозку мимо огромных центральных ворот в медных заклепках и направились к неприметному входу неподалеку от реки. Здесь берег был чище, в отличие от причалов, усыпанных осколками глиняных горшков, в которых крестьяне привозили сырец. Ходило поверье, что черепки – отличная подкормка для рыбы, и потому на берегах возле Рукодельницы всегда толпились рыбаки.

Оставив дочь в повозке, Дити направилась к весовому сараю. По весне окрестные жители привозили сюда маковые лепешки-прокладки, которые приемщики сортировали на *чанди* и *ганта* – тонкие и грубые. Дити тоже привезла бы свои лепешки, да только мало наготовила. Обычно у весовой наблюдалась толчея, однако нынче урожай припозднился и народу было сравнительно мало.

Дити обрадовалась, когда в кучке охранников разглядела *сирдара*, старшего, – дородного седоусого старикана, дальнего родственника мужа. Услышав имя Хукам Сингха, сирдар тотчас понял, зачем она приехала.

– Муженек-то твой плох, – сказал он, проводя ее в весовую. – Забирай его поскорее.

Через плечо старика Дити заглянула в сарай и чуть не отпрянула, ибо ее вдруг охватило нехорошее предчувствие. Строение было таким длинным, что противополож-

ный выход казался пятнышком света, вдоль стен выстроились огромные весы, рядом с которыми рабочие выглядели гномами. Подле весов сидели англичане в цилиндрах, наблюдавшие за работой весовщиков и счетоводов. Здесь деловито роились учетчики в чалмах, нагруженные ворохом бумаг, писари в дхоти, листавшие толстенные гроссбухи, и по пояс голые грузчики, тащившие невероятно высокие кипы маковых пластов.

– Куда идти-то? – испуганно спросила Дити. – Как бы не заплутать.

– Ступай прямо, – был ответ. – Пройдешь весовую и мешалку. Там на выходе встретишь нашего родственника, он скажет, где найти твоего мужа.

Накидкой Дити прикрыла лицо и зашагала вдоль огромных скирд маковых прокладок, не обращая внимания на взгляды работников, – хотя здесь она единственная женщина, им недосуг приставать с расспросами. Казалось, прошла вечность, прежде чем она достигла противоположного выхода, где на секунду остановилась, ослепнув от яркого света.

Перед ней была дверь, которая вела в другое крытое железом строение, только еще больше весовой, – таких громадин Дити в жизни не видела. Прошептав молитву, она вошла внутрь, но тотчас замерла и привалилась в стене, ибо открывшееся пространство было настолько огромным, что закружилась голова. Из щелей узких окон, тянувшихся от пола до крыши, падали полосы света, по всей длине зала стоя-

ли громадные квадратные колонны, а потолок парил так высоко, что воздух казался прохладным до зябкости. Тошнотворно густой запах сырца плавал над утоптаным земляным полом, точно дым костра в холодный день. Здесь тоже стояли весы, на которых взвешивали опий. Пол перед ними был уставлен глиняными горшками – точно такими, в какие Дити расфасовывала свой урожай. Эти сосуды – старые знакомцы, в каждый помещался один маунд³⁹ сырца, столь вязкого, что лип к ладони, если опрокинуть горшок. Кто бы знал, сколько времени и сил уходит, чтобы заполнить посудину! Значит, вот куда попадают отпрыски маковых полей. Дити невольно залюбовалась сноровкой работников. Взвесив горшок, они прищлепывали к нему бумажный ярлык и передавали белому саибу, который тыкал в него пальцем и обнюхивал содержимое, прежде чем ляпнуть печать, отправляющую продукт в обработку или брак. Неподалеку охранники с палками отгоняли крестьян, чей опий проходил проверку; хозяева горшков то ярились, то угодничали, ожидая приговора: хватит ли их трудов для выполнения контракта? Если нет, следующий год придется начинать с еще большим бременем долга. Вот охранник отдал крестьянину бумажку, и тот зашелся протестующим криком; повсюду возникали перебранки и ссоры – крестьяне орали на учетчиков, хозяева

³⁹ Маунд – традиционная мера веса в Индии, в разных областях она могла значительно различаться, от 16 до 40 кг. Во второй половине XIX века британцы стандартизировали и приравняли 1 маунд к 82,2 фунта (37,3 кг).

поносили арендаторов.

Заметив, что привлекает внимание, Дити заспешила по бесконечной пещере и не останавливалась, пока вновь не вышла на воздух. Очень хотелось секунду передохнуть, но краем глаза она заметила охранника, который направился к ней. Путь был открыт лишь в сарай по правую руку. Не мешкая, Дити подхватила сари и нырнула в дверь.

Это строение тоже ошеломило, но уже не размерами – сарай походил на длинный туннель, еле-еле освещенный дырками в стенах. Точно в душной кухне, здесь шибало жарким зловонием, но пахло не маслом и специями, а жидким опием и застарелым потом; амбре было столь крепким, что Дити зажала нос, борясь с рвотными позывами. Едва она оклемалась, как глазам ее предстало жуткое зрелище: точно племя поработанных демонов, во тьме кружили безногие тела. От видения вкупе с одуряющей вонью голова ее поплыла, но Дити медленно пошла вперед, испугавшись, что иначе грохнетя в обморок. Когда глаза немного привыкли к темноте, разъяснился секрет кружащих тел: по пояс в опийной слякоти, в баках топтались голые люди. Вперив в пустоту остеклевенный взор, они двигались медленно, точно муравьи, угодившие в мед. Обессилев, садились на край бака, но продолжали размешивать ногами вязкую жижу. Тогда они еще больше походили на вурдалаков: в темноте их глаза полыхали красным огнем, а тела казались полностью обнаженными – набедренные повязки, если и были, так пропитались зе-

льем, что стали неразличимы. Белые надсмотрщики без сюртуков и шляп, в одних лишь рубашках с закатанными рукавами, выглядели не менее устрашающе; вооруженные железными ковшами, стеклянными черпаками и граблями на длинных черенках, она расхаживали между баками. Когда один из них подошел к Дити и что-то сказал, она едва не завизжала; слов его она не разобрала, но, потрясенная тем, что с ней заговорило этакое чудище, опрометью бросилась к выходу.

Только на улице она вдохнула полной грудью, стремясь избавиться от запаха взбаламученного сырца. Вдруг кто-то спросил:

– Тебе нехорошо, сестра?

Оказалось, это ее родственник, и Дити еле сдержалась, чтобы не рухнуть к его ногам. К счастью, он без объяснений понял, как подействовал на нее туннель. Родственник провёл ее через двор и зачерпнул из колодца ведро воды, чтобы она попила и умылась.

– После мешалки всем хочется воды, – сказал он. – Передохни маленько.

Дити благодарно кивнула и присела на корточки в тени манго.

– Вон там вымачивают прокладки, прежде чем отправить их в сборочную, – пояснял родственник. – А вон, чуть на отшибе, цех, где снадобье обретает всевозможные виды – от темного сиропа до чудного белого порошка, что так ценят

саибы.

Дити слушала вполуха, пока не вернулись силы для ее неотложного дела.

– Ладно, идем.

Они пересекли двор и вошли еще в одно огромное строение, ничуть не меньше весовой, но с той лишь разницей, что здесь не было шума и ругани, а висела могильная тишина, словно в какой-нибудь гималайской пещере – темном, промозглом святилище. По обеим стенам от пола до потолка высились ряды широких полок, уставленных десятками тысяч одинаковых кругляшей размером с очищенный кокос, только черных и блестящих.

– Здесь сушат опий, поступивший из сборочной, – зашептал провожатый.

Оглядевшись, Дити заметила, что к полкам крепились подмости и лесенки, по которым лихо, точно ярмарочные акробаты, вверх-вниз сновали стайки мальчишек, проверявших опийные кругляши. Время от времени надсмотрщик-англичанин выкрикивал команду, и тогда мальчишки по цепочке перебрасывали кругляши друг другу, благополучно доставляя вниз. Как у них получалось одной рукой держаться за лестницу, а другой без промаха метать кругляши, да еще на верхотуре, с какой не дай бог упасть – убьешься насмерть? Их меткость удивляла до тех пор, пока один мальчишка не выронил кругляш, который, грохнувшись на пол, разлетелся тягучими осколками. На виновника тотчас

обрушились палки надсмотрщиков, и эхо его пронзительных воплей разнеслось по промозглому зданию. Подстегнутая криками Дити прибавила шагу и нагнала родственника на пороге следующего цеха. Ее провожатый благоговейно прошептал, точно паломник у входа в святая святых:

– Сборочная. Сюда не всякого допускают, но твой муж один из избранных.

Тут и впрямь было как в храме: на полу длинного, хорошо проветренного помещения двумя рядами по-турецки сидели мужчины в дхоти, точно брамины на празднике, – каждый на плетеной подушке, в окружении медных чашек и других причиндалов. Из рассказов мужа Дити знала, что в цехе трудится не меньше двухсот пятидесяти рабочих, да еще пятьсот мальчишек-подносчиков, однако здесь стояла сосредоточенная тишина, которую нарушали только шорох босых ног посыльных и периодические выкрики мастеров, извещавшие о готовности очередного кругляша. Руки сборщиков двигались с головокружительной быстротой, когда маковыми прокладками, смоченными в растворе жидкого опия, они выстилали полусферическую форму. Хукам Сингх говорил, что начальники в далеком Лондоне все точно отмерили: каждый кругляш должен содержать ровно один фунт и семь с половиной унций опия и быть обернут прокладками, тонкими и грубыми, которые весят пять унций и смочены в пяти, не больше, не меньше, унциях раствора. Отточенная система и отмеренные ингредиенты, поступавшие через эстафету

подносчиков, не допускали ошибки. Рабочий выстилал форму так, что половина прокладки оставалась на краю, затем опускал в нее опий, закрывал второй половиной прокладки и присыпал маковым мусором. Готовая упаковка переключивалась в глиняный шар-футляр, принесенный подносчиком. Затем самый выгодный продукт Британской империи благополучно совершал морское путешествие в далекий Китай, где удар секача разбивал это маленькое ядро.

Каждый час через руки сборщиков проходили дюжины черных футляров, что своевременно отмечалось на грифельной доске. Хукам Сингх, не самый сноровистый работник, однажды похвастал, что за день собрал сотню кругляшей. Однако нынче он не работал, место его пустовало. Он лежал на полу, глаза его были закрыты, в уголках рта пузырилась пена, точно у припадочного.

Цеховые сирдары набросились на Дити:

– Что так долго?.. Будто не знаешь, что муж балуется опиём?.. Зачем послала его на работу?.. Хочешь, чтобы он помер?

Несмотря на все переживания, Дити не собиралась терпеть подобные выходки. Из-под накидки она огрызнулась:

– Кто вы такие, чтобы так со мной разговаривать? На что б вы жили, если бы не опийные пристрастники?

Ругань привлекла внимание английского начальника, который отогнал сирдаров. Глянув на распростертого Хукам Сингха, он тихо спросил:

– *Тумбара мард хай?* Он твой муж?

Его хинди казался напыщенным, но голос был добрым. Дити кивнула и понурилась; к глазам ее подступили слезы, когда саиб стал отчитывать сирдаров:

– Хукам Сингх служил в нашей армии. Он добровольцем отправился в Бирму и был ранен, когда прикрывал ротного командира. Вы что, считаете себя лучше него? Заткнитесь и марш на работу, иначе отведаете моего кнута!

Струхнувшие сирдары отступили в сторону, давая дорогу четырем рабочим, которые подняли с пола недвижимого Хукам Сингха.

– Передай ему, он может вернуться когда пожелает, – сказал англичанин.

Дити сложила руки у груди и поклонилась, но в глубине души понимала, что работа мужа на Рукодельнице закончилась.

В повозке она устроила его голову на своих коленях и взяла дочку за руку, но уже не смотрела на дворец сорока колонн и мемориал покойного губернатора. На что теперь жить, если не будет месячного жалованья? От этой мысли померкло в глазах; день еще не кончился, но казалось, что все вокруг окутала тьма, и Дити машинально затянула вечернюю молитву:

Саджх бхайле

Саджха гхар гхар гхуме

*Ке мора саджх
манайо джи.*

Шепчут сумерки
у дверей:
пора заметить
наш приход.

* * *

К югу от портовых районов Калькутты, на берегу, плавно сбегающем к шире Хугли, раскинулся зеленый пригород Гарден-Рич, где белые зажиточные купцы воздвигли свои усадьбы. Казалось, соседствующие владения Баллардов, Фергусонов, Маккензи, Маккеев, Смоултов и Суинхоу приглядывают за кораблями с именами и товарами хозяев. Особняки передавали разнообразие вкусов своих владельцев: одни подражали роскошным английским и французским замкам, другие напоминали классические римские и греческие храмы. Просторные уголья позволяли окружать дома парками, разнившимся, пожалуй, еще больше, ибо садовники не менее хозяев старались перещеголять друг друга в причудливости своих плантаций: вот вам деревья с фигурной стрижкой, а здесь аллея, ухоженная на французский манер. Меж газонов искусно располагались водоемы – прямые

и длинные, точно арки, или же в стиле английских прудов; некоторые сады могли похвастать даже террасами с ручьями, фонтанами и беседками под изящными черепичными крышами. Однако достоинства владения оценивались не экстравагантностью насаждений, но обзором, какой открывался из особняка, ибо самый роскошный сад не мог повлиять на финансовое благополучие, напрямую зависевшее от интенсивности каботаж. По общему признанию, в отношении обзора усадьба Бенджамина Брайтуэлла Бернэма не знала себе равных, хоть и была относительно молода. Вообще-то, беспородность имения можно было считать преимуществом, поскольку мистер Бернэм имел право назвать его по собственному усмотрению – например, Вефиль⁴⁰. Как основатель владений, он был не ограничен в создании ландшафта по своему вкусу, а потому без всяких колебаний приказал вырубить кусты и деревья, которые застили вид на реку, в том числе древние манго и густую бамбуковую рощицу, вымахавшую в высоту на пятьдесят футов. Теперь обзор реки не имел никаких помех, если не считать прикорнувшую у берега беседку, откуда были видны усадебные причалы. Этот изящный бельведер отличался зеленой черепичной крышей в стиле китайских пагод.

Узнав беседку, о которой говорил рулевой, Джоду воткнул

⁴⁰ Вефиль – дом Божий (Бытие, 28:19). Спасаясь от гнева брата Исава, Иаков остановился на ночлег близ палестинского города Луз, где имел видение лестницы, восходящей до небес, вследствие чего назвал этот город Вефилом – “домом Божьим”.

весло в илистое дно, дабы лодку не снесло течением. Оказалось, проблема вовсе не в том, чтобы найти дом Путли. Особняки являли собой небольшие крепости, охраняемые слугами, которые всякого незваного гостя сочтут соискателем на свое место. Сад с зеленой беседкой выглядел самым большим и самым неприступным, на его лужайках развернулась армия садовников: одни пропалывали цветники, другие вскапывали новые клумбы, третьи скашивали траву. В заношенной повязке и линялом полотенце вместо чалмы, Джоду не имел шансов миновать их защитные порядки, в мгновение ока его схватят и передадут стражникам, чтобы те отдубасили воришку.

Его неподвижная лодка уже привлекла внимание работника, на причале шпаклевавшего каик. Бросив кисть из пальмовых листьев в ведро со смолой, он хмуро воззрился на Джоду.

– Эй ты! – крикнул шпаклевщик. – Чего надо?

Джоду одарил его обезоруживающей улыбкой.

– Здравствуйте, господин лодочник, – сказал он, польстив работнику тем, что на пару разрядов повысил его в ремесленной табели о рангах. – Я прям залюбовался домом. Наверное, самый большой в округе?

– А как же, оно уж конечно, – кивнул работник.

– Видать, и семья большая, – закинул удочку Джоду.

Шпаклевщик презрительно скривился:

– Вот еще, в таком доме табором не живут. Не, только

Берра-саиб, Берра-биби и Берра-мальш.

– Да ну? И больше никого?

– Ну, еще барышня, только она им не родня, – дернул плечом работник. – Так, приютили по доброте сердечной.

Хотелось узнать больше, но Джоду понимал, что дальше расспрашивать неблагоразумно – если проведуют, что девушкой интересовался какой-то лодочник, у нее могут быть неприятности. Но как же передать ей весточку? Джоду раздумывал над проблемой, когда вдруг в тени беседки заметил саженец *чалты*⁴¹, которую знал по ароматным белым цветам и кисловатым плодам, вкусом напоминавшим неспелые яблоки.

Подражая своим сельским родичам с их нескончаемым запасом вопросов, Джоду невинно поинтересовался:

– А что, чалту недавно посадили?

Шпаклевщик хмуро покосился в сад:

– Ту, что ли? – Он скривился и пожал плечами, словно открещиваясь от ублюдка. – Ну да, девицына забава. Вечно сюда шастает, только садовникам мешает.

Джоду попрощался и развернул лодку. Он сразу догадался, что деревце посадила Путли – она обожала эту кислятину. В Ботаническом саду чалта росла под окном ее спальни, и Путли собирала плоды, чтобы замариновать или сделать приправу чатни. Все шалели, когда она ела их даже сырыми. Зная дотошность Путли, Джоду был уверен, что на рассвете

⁴¹ Чалта – название на хинди диллени индийской (слонового яблока).

садовница придет поливать своего выкормыша, и тогда можно будет ее перехватить, пока не встали слуги.

Он греб против течения, высматривая укромное, но близкое к жилью местечко, куда не сунутся леопарды и шакалы. Углядев подходящий закуток, Джоду поддержнул повязку и спрыгнул в воду, чтобы привязать лодку к корням гигантского фикуса, росшего на заиленном берегу. Потом снова залез в лодку, ополоснул ноги и жадно уткнулся в заветрившегося риса.

Покончив со скудным ужином, Джоду расстелил циновку под маленьким соломенным навесом, устроенным на корме. Темнело. Солнце валилось за дальний берег Хугли, на котором еще читались контуры Ботанического сада. Джоду чертовски устал, но не желал спать, пока на подсвеченной небесами воде кипела жизнь.

Начинался прилив. Река кишела судами, спешившими к своим причалам или на фарватерную стоянку. Покачиваясь в лодке, Джоду представлял, что свет перевернулся вверх тормашками и небо обратилось в реку с берегами из облаков; если смежить веки, то мачты и рангоуты представляли вспышками молнии, пронизывающими лавину парусов, которые исполняли роль грома и трепетали на ветру, вздымаясь и опадая. Щелканье парусины, пронзительное пение ветра в снастях, стон дерева, глухие удары волн о нос корабля – всякий раз эти звуки изумляли, превращая каждое судно в самоходную бурю, а самого Джоду – в орла, кружащего в ее

охвостье, дабы поживиться останками разрушений.

Глядя на реку, он насчитал с дюжину флагов разных царств и стран: Генуя, Королевство Обеих Сицилий, Франция, Пруссия, Голландия, Америка, Венеция. Распознавать флаги его научила Путли, когда рассказывала о кораблях, проплывавших мимо Ботанического сада. Она никогда не покидала Бенгалию, но много знала о всяких странах. Ее истории сыграли немалую роль в желании Джоду увидеть розы Басры и порт Кантона, где правил Великий Китайский Император.

С трехмачтового парусника донеслась английская команда помощника “Свистать всех наверх!”, которую тотчас подхватил хукум серанга:

– *Саб адми анни джагах!*

– Поднять топсель!

– *Бхар бара гави!*

Парусина звучно затрепетала на ветру, и помощник выкрикнул:

– Отводи!

– *Гос даман джа!* – эхом откликнулся серанг, и нос корабля медленно повернулся.

– Шкоты тянуть! – последовала команда, и громадина марселя с треском надулась, даже не дав отгremеть повтору серанга:

– *Баджао тиркат гави!*

От мастеров, что на причалах шили ветрила, Джоду узнал

названия парусов на английском и ласкарском, исключительно морском пестром языке, лексикон которого был разнообразен, как суда на реке, – архаичные португальские калалузы всех мастей и керальские паттамары, арабские доу и бенгальские ялики, малайские проа и тамильские катамараны, индийские шаланды и английские шнявы, – но смысл его пробивался сквозь мешанину звуков так же легко, как течение Хугли сквозь столпотворение кораблей.

Наслушавшись команд, эхом разносившихся над палубами океанских судов, Джоду вполне мог сам себе повелеть “Вахту к правому борту! *Джамна пори унар ао!*”, великолепно ухватывая общий смысл приказа, но теряясь в его деталях. Вот бы по-всамделишному скомандовать на паруснике, измотанном штормом... Он верил, что такой день настанет.

Внезапно над рекой вознесся иной клич – *Хайя ила ассалла...* Азан эстафетой полетел от корабля к кораблю, призывая мусульман к вечерней молитве. Преодолевая сытую сонливость, Джоду накрыл голову сложенной тряпицей, развернул лодку на запад и опустил на колени для первого рака. Не сильно набожный, он чувствовал, что этого требует давешнее погребение матушки. Покойнице было бы приятно, что ее помянули; Джоду пробормотал последние слова молитвы и теперь мог с чистой совестью отдаться усталости, накопившейся за последнее время.

На плавучем дворце, стоявшем в десяти милях ниже по течению, приготовления к обеду из-за неожиданных препятствий затянулись. Во-первых, роскошная зеркальная гостиная, которую не открывали со времен старого раджи, несколько обветшала. С канделябров кое-где отвалились подсвечники, которые пришлось крепить подручными средствами вроде проволочек, деревяшек и даже ошметков кокосовой скорлупы. В целом вышло неплохо, но покалеченные канделябры выглядели так, словно их накренило ветром.

Бархатная штора делила гостиную на две половины, одну из которых украшал великолепный палисандровый стол. Выяснилось, что в отсутствие ухода полировка стола потускнела, а под ним самим обосновалось семейство скорпионов. Понадобилось вызывать вооруженную палками охрану, дабы изгнать новоселов, а затем отлавливать и лишать жизни утку, чтобы ее жиром отполировать столешницу.

Позади стола имелась скрытая ширмой ниша, откуда любовницы старого раджи, занавесившись накидками, подглядывали за гостями. Однако изящная резная ширма сгнила, выплатив свою дань запустению. По настоянию Элокеша ее срочно заменили утыканной дырочками шторой, поскольку танцовщица чувствовала себя вправе оценить визитеров и даже вдохновилась на более полное участие в вечере, ре-

шив, что после трапезы девицы развлекут гостей своим искусством. Осмотр сценической площадки выявил, что покоробившийся пол грозит босоногим танцовщицам богатым урожаем заноз. Позвали плотника, чтобы выровнял половицы.

Едва решили эту проблему, как возникла другая. В гостиной имелся комплект серебряных приборов с костяными ручками, а также английский столовый сервиз, стоивший немалых денег. Его использовали только для нечистых чужеземцев, которые ели говядину, и хранили в запертой горке, дабы не заразить остальную утварь. Но сейчас Паримал ужаснулся, когда, открыв сервант, увидел, что почти все тарелки и серебряные приборы исчезли. Того, что осталось, хватало для сервировки стола на четыре персоны, но факт воровства породил неприятные подозрения, вылившиеся в мордобитие на буксируемой кухне. После того как двум охранникам расквасили носы, потребовалось вмешательство хозяина; мир был восстановлен, но приготовления к обеду так затянулись, что раджа не успел хорошенько перекусить. Это был жестокий удар: теперь предстояло поститься среди пирующих, ибо правила были крайне строги по части того, с кем раджа мог сотрапезничать, и нечистые мясоеды в этот круг не входили – даже Элокеша ужинала отдельно, когда раджа оставался у нее на ночь. Неукоснительное правило требовало вежливо сидеть за столом, не прикасаясь к горам снеди, и потому во избежание соблазна Халдеры всегда под-

креплялись до прихода гостей. Нил тоже собрался закусить, но из-за кухонной суматохи был вынужден удовольствоваться лишь горстью печеного риса, смоченного в молоке.

Солнце уже садилось, и над рекой плыл напев вечернего азана⁴², когда раджу известили, что все его нежнейшие хлопчатые дхоти и муслиновые курты, приберегаемые для торжественных случаев, отданы в стирку. Пришлось облачиться в шершавое холщовое дхоти и полотняную курту. В своем багаже Элокеша раскопала шитые золотом туфли, которые были ему впору, и укутала его плечи шалью тончайшего голландского полотна с золотисто-алой парчовой каймой. Когда от “Ибиса” отвалила шлюпка, танцовщица спешно отправилась к компаньонкам, дабы провести последнюю репетицию.

Нил, церемонно поднявшийся навстречу гостям, отметил костюм для верховой езды мистера Бернэма и то, что двое других визитеров явно постарались принарядиться: двубортные сюртуки, из галстука мистера Дафти выглядывала рубиновая булавка, жилет мистера Рейда украшала изящная часовая цепочка. Их пышные наряды впечатляли, и раджа, смущенно запахнувшись шалью, сложил перед собой руки:

– Господа, я счастлив, что вы почтили меня своим визитом.

Англичане в ответ поклонились, а Захарий испугал раджу тем, что шагнул вперед, намереваясь пожать ему руку. Слава богу, мистер Дафти успел перехватить американца.

⁴² Азан – призыв муэдзина к молитве.

– Держите руки при себе, черт бы вас побрал, – шепнул лоцман. – Коснетесь его, и он побежит мыться, тогда обеда будем ждать до полуночи.

Прежде никто из гостей не бывал на плавучем дворце, и потому все охотно согласилось его осмотреть. На верхней палубе Радж Раттан все еще запускал змеев.

– Стало быть, это и есть расхальский цесаревич? – крикнул мистер Дафти, познакомившись с мальчиком.

– Да, маленький раджа, – кивнул Нил. – Мой единственный отпрыск и наследник. Как сказали бы ваши поэты, нежный плод моих чресл.

– Ага, зеленый побег. – Лоцман подмигнул Захарию. – Позвольте узнать, ваши чресла – ствол или ветка?

Раджа одарил его ледяным взглядом:

– Нет, сэр, дерево целиком.

Мистер Бернэм проявил себя опытным спортсменом: его змей парил и нырял, поблескивая унизированной стекляшками веревкой. Когда Нил отдал дань его ловкости, судовладелец усмехнулся:

– Я прошел обучение в Кантоне, а там лучшая школа по запуску змеев.

В гостиной их ждала бутылка шампанского, поставленная в ведро с мутной речной водой.

– Шипучка! Вот это дело! – обрадовался мистер Дафти. Налив себе бокал, он адресовал радже широкую ухмылку: – Мой папаша говаривал: “Держи бутылку за горлышко, а да-

мочку за талию. Смотри не перепутай!” Бьюсь об заклад, вашему батюшке это понравилось бы. Ведь он был большой озорник, а?

В ответ Нил сдержанно улыбнулся. Отвратительные манеры лоцмана дали повод еще раз возблагодарить предков за милосердие: спиртное не входило в перечень того, что нельзя делить с нечистыми чужеземцами; если б не вино, общаться с ними было бы невозможно. Раджа пропустил бы еще стаканчик шампанского, но заметил Паримала, подавшего знак о готовности обеда. Подхватив складки дхоти, раджа встал: – Господа, полагаю, наша трапеза готова.

Слуги отдернули бархатную штору, явив огромный полированный стол, в английской манере сервированный ножами, вилками, тарелками и бокалами для вина, сиявшими в свете двух громадных канделябров. В центре стола красовался объемистый букет поникших кувшинок, напрочь скрывший вазу. Еды на столе не было – согласно бенгальской традиции, блюда подавались поочередно.

Нил устроил так, чтобы мистер Бернэм оказался напротив него, а Захарий и мистер Дафти соответственно слева и справа. Согласно этикету, за каждым стулом расположился лакей в ливрее расхальского поместья. Нил заметил, что униформа – рубаша, чалма и перепоясанный *чапкан*⁴³ до колен – сидит на них плохо, и лишь тогда вспомнил: никакие

⁴³ Чапкан – верхняя одежда, которую в Индии носят преимущественно мусульмане, своего рода легкий кафтан.

это не лакеи, а молодые лодочники, в спешке нанятые Парималом и еще не освоившие новую роль, что было видно по тому, как они беспокойно переминались и стреляли глазами.

У стола возникла долгая пауза – гости ждали, когда им подвинут стулья. Переглянувшись с камердинером, Нил понял, что лодочников не уведомили об их действиях в этой части церемонии и теперь они тоже ждут, когда господу усядутся. Парней явно озадачило, что едоки намерены вкушать яства в отдалении от стола, но откуда им было знать, что между столами и стульями предполагалось более близкое соседство?

Тем временем один лодочник проявил инициативу, участливо хлопнув мистера Дафти по плечу – дескать, вот он, стул-то, свободно, садись, только маленько сдай назад. Лоцман побагровел, и раджа срочно вмешался, на бенгальском приказав лодочнику подвинуть стул. На самого юного парнишку, стоявшего позади Захария, резкая команда так подействовала, что он пихнул свой стул, будто лодку, застрявшую на мелководье. Подкошенный сиденьем Захарий от неожиданности поперхнулся, однако был доставлен к столу целым и невредимым.

Нил рассыпался в извинениях, но Захарий ничуть не оскорбился – эпизод его скорее повеселил. За недолгое знакомство он произвел на раджу приятное впечатление своей врожденной элегантностью и сдержанным поведением. Ни-лу всегда хотелось знать о корнях и родословной чужаков; с бенгальцами просто – одно имя уже извещало о вероиспо-

ведании, касте и месте рождения, а вот с чужеземцами поди разберись, кто есть кто. В мистере Рейде можно было предположить выходца из древнего аристократического рода – раджа где-то читал, что европейская знать не брезговала отпирать своих чад в Америку. Эта мысль родила вопрос:

– Скажите, мистер Рейд, ваш город поименован в честь некоего лорда Балтимора?

– Может быть... точно не знаю... – проямлил Захарий.

– Вероятно, лорд Балтимор ваш предок? – не отставал Нил.

В ответ немногословный гость вздрогнул и смущенно помотал головой, что только укрепило мнение раджи о его благородном происхождении.

– Намерены вернуться в Балтимор? – Раджа чуть не добавил “милорд”, но вовремя осекся.

– Нет, сэр. Вначале “Ибис” отправится на Маврикий, а затем, если обернемся в срок, пойдем в Китай.

– Понятно.

Ответ напомнил радже об истинной цели обеда – выяснить, нет ли перемен в положении дел главного кредитора.

– Стало быть, ситуация в Китае изменилась к лучшему? – обратился он к мистери Бернэму.

– Нет, раджа Нил Раттан, – покачал головой судовладелец. – Отнюдь. Сказать по правде, положение настолько ухудшилось, что уже всерьез поговаривают о войне. Вот в чем причина возможного похода “Ибиса” в Китай.

– Война? – опешил раджа. – Но я ничего не слышал о войне с Китаем.

– Немудрено, – усмехнулся мистер Бернэм. – Да и зачем вам себя обременять? Наверное, и без того хватает забот с чертогами, гаремом и плавучими дворцами.

Уловив насмешку, Нил вскипел, но от резкого выпада его удержало вовремя появившееся первое блюдо – дымящийся суп. Серебряную супницу украли, и потому угощение подали в серебряной чаше для пунша, имевшей форму морской раковины.

Мистер Дафти понюхал воздух и довольно улыбнулся:

– Кажется, пахнет уткой?

Раджа понятия не имел, что подадут к столу, ибо до последней минуты повара рыскали в поисках провианта. Путешествие подходило к концу, и запасы съестного на корабле истощились, а потому весть о роскошном обеде повергла кулинару в панику; армия слуг отправилась на поиски продовольствия, но раджа не знал, чем увенчался ее поход. Паримал шепотом сообщил, что блюдо приготовлено из плоти существа, чей жир пошел на полировку стола, и Нил, опустив последнюю деталь, поведал гостям: перед ними действительно утиный бульон.

– Великолепно! – Мистер Дафти залпом осушил бокал. – И вино превосходное!

Однако раджа не забыл пренебрежительного отзыва о своих занятиях. Он полагал, что судовладелец намеренно сгу-

щает краски, дабы уверить его в больших убытках фирмы. Нил постарался говорить спокойно:

– Конечно, вас, мистер Бернэм, удивит мое стремление быть в курсе событий, но я ничего не слышал об упомянутой вами войне.

– Значит, на мою долю выпало сообщить вам, сэр, что с недавних пор власти Кантона усиленно противодействуют потоку опия в Китай. Все, кто занят этим бизнесом, единодушны во мнении: мандаринам воли давать нельзя. Прекращение торговли станет крахом не только моей фирмы, но и вашим, и вообще всей Индии.

– Крахом? – мягко переспросил раджа. – Наверняка мы сможем предложить Китаю что-нибудь полезнее опия.

– Хорошо бы, да не выходит, – ответил Бернэм. – Проще говоря, китайцы ничего не хотят – втемяшили себе, будто им ни к чему наши продукты и товары. А вот мы, дескать, не обойдемся без их чая и шелка. Мол, если б не опий, отток серебра из британских колоний стал бы неудержим.

– Беда в том, что китаезы надеются вернуть старые добрые времена, когда еще не отведали опия, – встрял мистер Дафти. – Но черта лысого – обратной дороги нет.

– Обратной дороги? – удивился Нил. – Но ведь уже в древности Китай был знаком с опиумом, разве нет?

– В какой еще древности! – фыркнул лоцман. – Когда я мальчишкой очутился в Кантоне, опий втекал к ним хилой струйкой. Китаезы, они ж твердолобые! Уж поверьте, стои-

ло немалых трудов приманить их к зелью. Нет, сэр, надо отдать должное упорству английских и американских купцов – если б не они, опий так и остался бы уделом знати. Все произошло на нашей памяти, за что мы должны благодарить таких людей, как мистер Бернэм. – Он поднял бокал: – Ваше здоровье, сэр!

Нил хотел присоединиться к здравице, но тут подали второе блюдо – целиком запеченных цыплят.

– Будь я проклят, если еще утром они не пищали! – возликовал мистер Дафти и захрустел птичьей головкой, мечтательно закатив глаза.

Нил угрюмо пялился в свою тарелку; он вдруг так проголодался, что если б не слуги, тотчас набросился бы на еду. Однако он заставил себя отвести взгляд от цыпленка и чуть запоздало поднял бокал:

– За вас, сэр, и ваш успех в Китае!

– Да, это было непросто, – улыбнулся мистер Бернэм. – Особенно вначале, когда мандарины были несговорчивы.

– Вот как? – Не сведущий в коммерции Нил считал, что поставки опиия официально одобрены китайскими властями, это казалось вполне естественным, поскольку в Бенгалии опийная торговля была не только санкционирована, но являлась британской монополией под эгидой Ост-Индской компании. – Я удивлен. Стало быть, китайское правительство осуждает торговлю опиумом?

– К сожалению, да. Какое-то время опий поставляли неле-

гально. Однако власти не рыпались и охотно закрывали глаза, ибо все мандарины и другие шишки получали десятипроцентный откат. Теперь они артачатся лишь потому, что хотят урвать больше.

– Все просто: косоглазые должны отведать палок, – разъяснил мистер Дафти, обсасывая крылышко.

– Пожалуй, я соглашусь, Дафти, – кивнул мистер Бернэм. – Своевременная порка всегда на пользу.

– Значит, вы уверены, что ваше правительство начнет войну? – спросил раджа.

– Увы, но, скорее всего, так. Британия долго терпела, однако всему есть предел. Как китайцы поступили с лордом Амхерстом?⁴⁴ На корабле, набитом подарками, он ждал у входа в Пекин, но император, извольте видеть, не удосужился его принять.

– Ох, не вспоминайте, сэр, это невыносимо! – вскинулся мистер Дафти. – Чего удумали – чтобы его светлость принародно пал ниц! Еще прикажут нам отрастить косички!

– С лордом Нейпиром⁴⁵ обошлись не лучше, – напомнил мистер Бернэм. – Мандарины уделили ему внимания не больше, чем этому куренку.

⁴⁴ Уильям Питт Амхерст (1773–1857) – британский аристократ, в 1823–1828 гг. генерал-губернатор Бенгалии.

⁴⁵ Уильям Джон Нейпир (1786–1834) – английский морской офицер, в 1833 г. был назначен главным торговым инспектором в Кантоне. В 1834 г. наместник императора отказался вести с ним переговоры о расширении английской торговли.

Упоминание птицы вновь привлекло мистера Дафти к еде.
– Кстати, цыпленок весьма недурен, – пробурчал он.

Взгляд Нила метнулся к его нетронутой тарелке – цыпленок объеденье, даже пробовать не надо. Однако статус хозяйина требовал цветисто прибедниться.

– Вы чрезмерно великодушны, мистер Дафти, – сказал раджа. – Это всего лишь паршивый кусочек мяса, не достойный таких гостей.

– Паршивый? – Захарий встревожился и опустил вилку, лишь сейчас заметив, что хозяин ничего не ест. – Вы даже не притронулись, сэр... Что, в этом климате не рекомендуется...

– Нет... то есть да, вам вполне рекомендуется...

Нил смолк, придумывая учтивое объяснение, почему цыпленок негод для расхальского раджи, но очень даже подходит нечистому чужеземцу. Отчаявшись, в немой мольбе он посмотрел на англичан, которые прекрасно знали застольные правила Халдеров, но те отвели глаза. Наконец мистер Дафти булькнул, точно закипающий чайник, и пропыхтел:

– Да ешьте вы, не отравитесь. Он просто пошутил.

Вопрос был исчерпан с появлением рыбного блюда: обжаренное в сухарях филе латеса окружали овощи в кляре. Мистер Дафти внимательно изучил угощение:

– Залупонь, если не ошибаюсь, и оладушки! Да уж, сэр, ваши поварята расстарались!

Нил уже заготовил вежливый протест, но тут увидел

нечто, отчего едва не рухнул со стула. Букет поникших кувшинок в центре стола был помещен не в вазу, как ему показалось, а в старый ночной горшок. Видимо, нынешнее поколение obsługi забыло об историческом предназначении сего сосуда, однако Нил прекрасно помнил, что его приобрели специально для нужд престарелого судьи, чей кишечник пребывал в тягостной осаде глистов.

Задушив возглас отвращения, раджа отвел взгляд от мерзкого предмета и стал лихорадочно соображать, чем занять внимание гостей. В голосе его еще слышалась гадливость, когда, найдя тему, он воскликнул:

– Однако же, мистер Бернэм! Вы полагаете, Британская империя затеет войну, чтобы приучить Китай к опию?

Ответ последовал мгновенно.

– Вижу, вы неверно меня поняли, раджа Нил Раттан, – сказал судовладелец, пристукнув бокалом о стол. – Война, если начнется, будет не ради опия, а ради принципа и свободы – свободы торговли и свободы китайского народа. Право свободной торговли, дарованное человеку Господом, к опию применимо не меньше, чем к любому другому товару. А может, и больше, ибо без него миллионы коренных жителей лишатся весомых преимуществ британского влияния.

– Как это? – не понял Захарий.

– По той простой причине, Рейд, – терпеливо разъяснил мистер Бернэм, – что британское владычество в Индии зиждется на опиине, все это знают, и не надо притворяться, буд-

то дело обстоит иначе. Полагаю, вам известно, что в некоторые годы наша прибыль от опиума была почти равной государственному доходу Соединенных Штатов, откуда вы родом. Нежели вы думаете, что без такого финансового источника наше правление было бы возможно в обнищавшей стране? И если задуматься о выгодах, какие приносит Индии английское господство, то следует сделать вывод, что опиум для нее – величайшее благо. А стало быть, наш долг перед Богом даровать такие же выгоды другим народам, верно?

Нил слушал вполуха, размышляя над тем, что история с горшком могла обернуться куда хуже. Что бы он делал, если бы, скажем, горшок использовали вместо супницы и подали к столу до краев полным горячим бульоном? Представив ситуацию, раджа понял, что есть все основания благодарить небеса за избавление от публичной гибели; он так сильно чувствовал божественное вмешательство, что не удержался от благочестивого упрека:

– А вы не боитесь втягивать Господа в торговлю опиумом?

– Ничуть, – ответил мистер Бернэм, оглаживая бороду. – Один мой соотечественник изложил суть очень просто: “Иисус Христос – это свободная торговля, а свободная торговля – это Иисус Христос”. Думаю, точнее не скажешь. Коли Господь желает, чтобы опиум стал орудием, открывшим Китаю его заветы, быть посему. Лично я не вижу причины, по которой англичанин должен потакать маньчжурскому тирану, лишаящему китайский народ чудотворного средства.

– Вы про опий?

– Именно, – отрезал мистер Бернэм. – Позвольте узнать, сэр: вам угодно вернуться в те времена, когда людям рвали зубы и отпиливали конечности без облегчения боли?

– Что вы! Разумеется, нет, – поежился Нил.

– Я так и думал. Тогда зарубите себе, что современная медицина, в частности хирургия, невозможна без таких препаратов, как морфий, кодеин и наркотин, – и это лишь часть благотворных снадобий, получаемых из опия. Наши детки не уснут без укропной водички. А как нашим дамам и самой возлюбленной Королеве обойтись без опийной настойки? Да что там, наш век индустриального прогресса стал возможен благодаря опию, а без него улицы Лондона заполонили бы харкающие толпы, измученные бессонницей и недержанием. В таком случае уместен вопрос: кто дал право маньчжурскому деспоту лишать своих беспомощных подданных этих благ прогресса? Полагаете, Господь возрадуется нашему соучастию в ограблении тьмы людей, у которых отнимают чудесный дар?

– Но вы не станете спорить, что в Китае полно тех, кто страдает пагубным пристрастием к опию? – возразил Нил. – Вряд ли эта беда мила нашему Создателю.

Бернэма будто стегнули крапивой.

– То, о чем вы говорите, сэр, всего лишь издержки подлой человеческой природы. Случись вам пройти по лондонским злачным местам, вы бы увидели, что в пивных имперской

столицы пагубного пристрастия не меньше, чем в китайских притонах. И что теперь – закрыть все таверны? Изгнать вино и виски из наших гостиных? Лишить солдат и матросов ежедневной порции грога? Если принять эти меры, пагубное пристрастие исчезнет? И члены парламента будут в ответе за каждый случай смерти от пьянства? Ответ – нет. Никогда. Ибо противоядие от дурных пристрастий не в запретах императоров и парламентов, а в совести каждого человека, который должен убояться Господа и осознать свою ответственность перед Ним. Вот единственный важный урок, который мы, христианская нация, можем преподать Китаю, и я уверен, что народ этой несчастной страны с восторгом принял бы наше послание, если б владычество жестокого деспота не затыкало ему уши. В вырождении китайцев повинна одна лишь тирания. Купцы вроде меня – всего-навсего слуги свободной торговли, непреложной, как Божьи заповеди. – Мистер Бернэм сунул в рот хрустящий овощной лепесток. – Могу еще добавить, что расхальскому радже не стоило бы морализировать насчет опиия.

– Почему? – Нил напрягся, предчувствуя унижение. – Постарайтесь объяснить, мистер Бернэм.

Судовладелец приподнял бровь:

– Извольте. По той причине, что опием оплачено все, чем вы владеете, – ваши дома, этот корабль, эта еда. Неужто вы думаете, что смогли бы существовать на доход от имения и оброк с полуголодных крестьян? Нет, сэръ, все это вам дал

опий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.